

379.44(с)71(с126Л)

7М
095

[REDACTED] 0-88

ИЗДАТЕЛЬСТВО
С. П. ПЕТРОВА

ОТЧЕТ
РУССКОГО МУЗЕЯ
ЗА 1922 ГОД

ПЕТРОГРАД
1923

379.44(с)71(с 126Л)

0-88

7М
095
Степанов

ОТЧЕТ
РУССКОГО МУЗЕЯ
ЗА 1922 ГОД

ур нет

ПРОВЕРЕНО

16 ОКТ 2009

БИБЛИОТЕКА
И И С
Инв. № 1678

ПЕТРОГРАД
1923

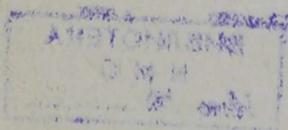
БИБЛИОТЕКА
И И С
Инв. № 3282

БИБЛИОТЕКА
И И С
Инв. №

Напечатано по постановлению Совета Русского Музея

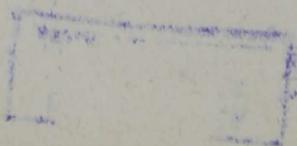
Ученый Секретарь *Н. Черепнин.*

3 июня 1923 г.

Типография имени Ивана Федорова, Звенигородская 11

Петрооблит № 4793 — 600 экз.

I

Отчетный год — двадцать восьмой со дня основания Русского Музея. Музей был учрежден 14 (27) апреля 1895 года. 7 марта 1898 года состоялось открытие его Художественного Отдела. В 1902 году был установлен штаб Этнографического Отдела и началось планомерное собирание коллекций для Отдела. В 1913 году началось приобретение для Музея бытовых коллекций, прерванное затем войной.

Революция сильно отразилась на жизни и деятельности Музея. Ее влияние в этом отношении так многообразно и сложно, что не может быть исчерпывающим образом представлено в рамках краткого годового отчета. Достаточно, например, указать, что коренным образом изменились все внешние условия, в которых протекала научная деятельность Музея, что громадные и до революции собрания Музея в период революции, особенно в Художественном и Историко-бытовом Отделах, чрезвычайно пополнились, как отдельными предметами, так и целыми коллекциями большой научной и художественной ценности. На Этнографическом Отделе в данном отношении время революции отразилось менее благоприятно, вследствие крайнего сокращения, за недостатком средств, числа экспедиций и командировок для сбора этнографических коллекций. После революции началось стихийное усремление в Музей народных масс, необычайно широкое развитие в Музее культурно-просветительной работы. Во время революции и в значительной мере под влиянием вызванных ею условий возник и успел развиться один из трех больших музеев, являющихся частями единого Русского Музея, а именно Историко-бытовой его Отдел, включающий бытовой материал, собранный в историческом аспекте, исходя из глубин народной жизни до верхов частного городского быта различных слоев русского общества.

Событием большого значения в жизни Русского Музея явились произведенные в мае 1921 года перевыборы членов Совета и всего научного персонала.

Совет Музея признал необходимым, чтобы, в целях полной авторитетности Совета, научная квалификация хранитель-

ско́го состава Музея была установлена избирательной комиссией при участии представителей соответствующих ученых учреждений, а затем переизбранный Совет произвел бы такое же установление квалификации всех прочих научных работников Музея. Была образована особая избирательная коллегия, в состав которой вошли, кроме б. Совета Музея, представители от Российской Академии Наук, Российской Академии Истории Материальной Культуры, Государственного Эрмитажа, Музея Антропологии и Этнографии при Академии Наук, Петроградского Университета, Русского Географического Общества, Русского Археологического Общества, Комитета древне-русской живописи, Отдела Изобразительных Искусств.

Положением о выборах численный состав избирательной коллегии был установлен с таким расчетом, чтобы число представителей от учреждений было в два раза больше числа членов б. Совета Музея.

Заседания избирательной коллегии происходили 5, 6 и 13 мая 1921 г.; на них были избраны по Художественному Отделу: хранителем Отделения древне-русского искусства — Н. П. Сычев, нового русского искусства — П. И. Нерадовский, Отд. рисунков и гравюр — Д. И. Мипрохин; по Этнографическому Отделу: хранителем Отделения этнографии великорусской и финской — Д. А. Золопарев, Отд. этнографии Украины, Белоруссии и зарубежных славян — Б. Г. Крыжановский, Отделения этнографии Кавказа и Средней Азии — А. А. Миллер, Отделения этнографии Сибири и Дальнего Востока — С. И. Руденко; по Историко-бытовому Отделу: хранителем Первого Отделения (жилище и его обстановка) Н. Б. Бакланов, хранителем второго Отделения (костюмы и ткани) П. П. Вейнер, хранителем Третьего Отделения (утварь и украшения) М. В. Фармаковский.

Тем же избирательным составом был избран директором Русского Музея Н. П. Сычев.

В Совет Музея по избранию вошли: А. Н. Бенуа и С. П. Яремич по Художественному Отделу; В. В. Бартольд, С. Ф. Ольденбург и С. Ф. Плапонов по Этнографическому Отделу; А. Н. Бенуа, М. Д. Приселков и С. Н. Тройницкий по Историко-бытовому Отделу.

Вслед за тем на заседаниях Советов Отделов Музея и Совета Музея был переизбран весь научный персонал Музея.

Вновь избранный Совет тотчас наметил основные задачи своей ближайшей работы: 1) согласовать всю внутреннюю научную работу Музея с требованиями современного музейного строительства, науки и искусства и 2) возможно шире открыть

искусства. Созданная из материалов коллекций В. Г. Дружинина выставка дала поразительно интересную картину поморского искусства, открыла новый, доселе мало кому ведомый мир, мир древне-русских и обрусевших художественных переживаний, — пережитков далекого Востока, пустивших корни в недрах русской народной художественной индустрии, и пережитков искусства средневековой Европы.

В Историко-бытовом Отделе были намечены к устройству в течение 1921 года выставки: 1) бытовых русских портретов с 50 годов XVIII века до 50 — 60 годов XIX века, периода особого расцвета усадебного уклада русской жизни; 2) русского фарфора XIX века, как материала для характеристики бытовых печений и 3) выставка бисерных предметов, имеющая в виду представить полную картину развития и упадка этого рода работ, начиная с окладов икон, кончая вышивками XX столетия. Но открыты эти выставки не удалось, вследствие наступления холодов и отсутствия отопления, недостатка материалов для оборудования и рабочих рук, а также невозможности отвести для них помещение, из-за крайней тесноты помещений Историко-бытового Отдела и отклонения ходатайства Музея о возвращении принадлежащего ему здания б. школы народного искусства.

II

В течение 1922 года Совет Музея состоял из следующих лиц: Председатель Совета Директор Музея Н. П. Сычев, члены Совета по избранию: профессор Д. В. Айналов, академик В. В. Бартольд, А. Н. Бенуа, академик С. Ф. Ольденбург, академик С. Ф. Платонов, профессор М. Д. Приселков, С. Н. Тройницкий, С. П. Яремич. Члены Совета по должности: Ученый Секретарь, Заведующие Отделами, Хранители, Помощники Хранителей, Библиотекари.

Особое внимание Совета Музея было обращено на устройство постоянной выставки Отделения нового русского искусства. При обсуждении плана работ Музея на 1922 год Совет признал необходимым выполнение в течение наступавшего года устройства указанной выставки. Для осуществления этой цели было решено предоставить почти все, какие будут в распоряжении Музея, кредиты на научную часть и ремонтные работы, хотя бы ценою отсрочки открытия полностью Этнографического Отдела и сокращения плановых работ Историко-бытового Отдела.

oo

Совет Музея, согласно с мнением Заведующего Художественным Отделом и Хранилеля Отделения нового русского искусства П. И. Нерадовского и Совета Отдела, полагал совершенно недопустимым, чтобы та часть художественных собраний, которая эвакуировалась в Москву, а также коллекции, поступившие в Музей во время революции, оставались недоступными для обозрения, а другая часть основных коллекций Музея была выставлена недостаточно соответственным образом. В распределении картин по залам, характере их развески, в окраске стен все еще продолжали сказываться последствия ошибок, допущенных при первоначальном устройстве Художественного Отдела, как в отношении приемов приспособления для Музея созданного Росси дворца, так и в произведенном тогда особой комиссией при Академии Художеств отборе художественных произведений для вновь открывавшегося Музея. Частичные позднейшие перевески не могли устранить эти недостатки полностью.

Проект полного, в соответствии с современными требованиями музейного дела, переустройства постоянной выставки Отделения нового русского искусства был детально разработан П. И. Нерадовским еще до 1914 года, но осуществление его было задержано условиями военного и революционного времени. И только в 1922 году удалось выполнить эту сложную ответственную и крайне трудную в научном, художественном и техническом отношениях работу.

Ряд рассматривавшихся в Совете Музея вопросов был связан с органическим ростом Музея и его деятельности. Таков был, например, вопрос о включении в состав Художественного Отдела Комитета древне-русской живописи и расширении, согласно постановлению Московской Конференции 1921 года, реставрационной мастерской Музея, в целях обслуживания ею всей Северной области. Согласно Положению о Комитете на него было возложено обсуждение вопросов, непосредственно касающихся реставрации памятников древне-русской живописи, а равно связанных с ними вопросов научно-исследовательского характера и издательских.

Признавая крайне необходимым, особенно в условиях настоящего времени, собирание архитектурных коллекций и коллекций по прикладному искусству, Совет Музея постановил об учреждении в составе Художественного Отдела секций архитектурной и прикладного искусства. С целью систематического собирания и хранения предметов древнего быта и исследования и описания палеоэтнографических явлений и памятников

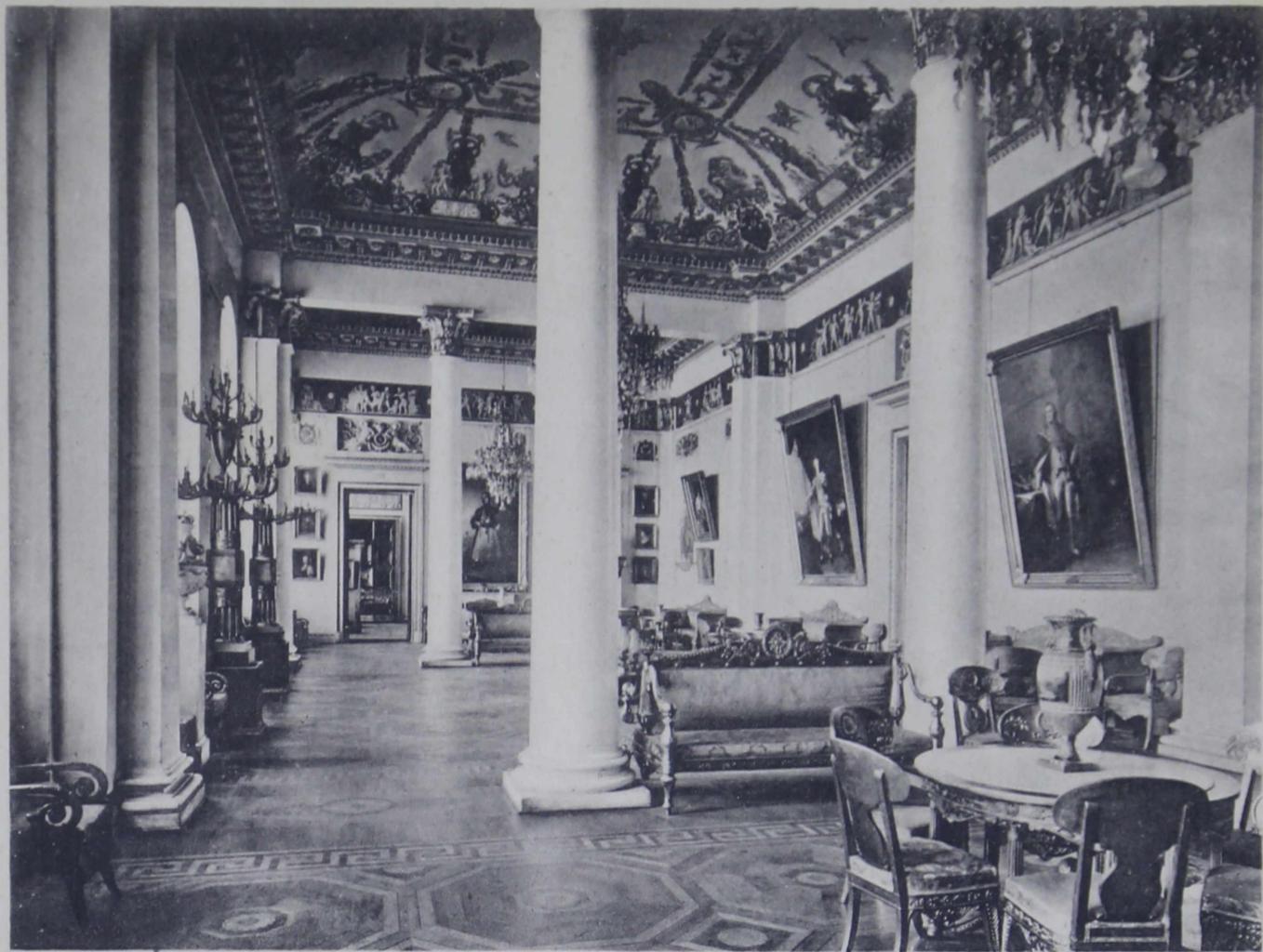
в составе Этнографического Отдела была учреждена секция палеоэтнографии.

В Совете Музея было начато и еще не закончено рассмотрение вопроса о реорганизации переданного в конце года в ведение Русского Музея бывш. Музея Академии Художеств.

Такая передача несомненно будет иметь большое значение. Явится возможность пополнить некоторые пробелы в картинной галлерее Русского Музея путем выставления в ней ценнейших художественных произведений XVIII и первой половины XIX вв. Эти произведения до настоящего времени были оторваны от собраний центрального музея русского искусства, вследствие чего были недоступны для обозрения широкими массами населения; исследовательская же работа над ними, без возможности непосредственного сопоставления их с находящимися в Русском Музее однородными памятниками, представлялась затрудненной. Одновременно возникает возможность устройства в здании Академии Художеств архитектурного отдела и специального отдела по истории Академии.

В Совете Музея рассматривался также вопрос о порядке использования бывшего особняка Бобринского, переданного Русскому Музею для помещения Историко-бытового его Отдела, задыхавшегося, с своими громадными коллекциями, в нескольких тесных непригодных квартирах флигеля при главном здании Художественного Отдела. Историко-бытовой Отдел получил теперь возможность приступить к развертыванию своих собраний и, при условии отпуска незначительных денежных средств, предполагает летом 1923 года открыть для обозрения часть своих собраний.

В Совете Музея рассматривались вопросы об экспедициях и командировках, о пополнении коллекций Музея. Несмотря на отсутствие средств, удалось, благодаря содействию ряда учреждений, а частью на личные средства участников, осуществить ряд экспедиций и командировок, как для сбора коллекций, так и для археологических исследований и научного изучения памятников искусства и быта. Помимо основных результатов, эти поездки оказались ценными и в отношении содействия местным деятелям в охране памятников искусства и быта. Пополнение коллекций по Художественному и Историко-бытовому Отделам шло почти исключительно из Государственного Музейного Фонда и путем пожертвований, за отсутствием у Музея средств на приобретения. Это является тем более печальным, что постоянно представлялась возможность при-

Белоколонный зал

oo

брешения на чрезвычайно выгодных условиях ценнейших в научном и художественном отношении предметов, уходивших в большинстве случаев к скупщикам. Советом Музея было обращено внимание и на то обстоятельство, что за последнее время, особенно в северном крае, центральных и поволжских губерниях, частными предпринимателями была организована в широких размерах скупка по деревням предметов народного искусства и быта, тем более опасная для собирательской деятельности музеев, что скупаются предметы, производство которых уже прекратилось.

Советом Музея принимались меры к ликвидации результатов печального влияния на состояние коллекций Музея почти полного отсутствия опопления в последние годы и развившейся вследствие этого сырости. Ценнейшие памятники живописи покрылись плесенью, разрушался слой краски, стекло и фарфор приобрели такую хрупкость, что давали трещины даже от сотрясения при поездке грузовиков; обнаружены случаи заболевания оловянных предметов чумой, белого окисления серебра, игольчатого перерождения стекла; многие предметы из дерева и тростника исплели, значительно пострадали вещи из кожи, ценнейшие объекты аинского культа «инау» окончательно исплели; переплеты книг отставали, издания на меловой бумаге склеивались в одну массу; негативы и отпечатки гибли от сырости. Благодаря принятым мерам, многое удалось спасти. обстоятельное исследование заболевания оловянных предметов чумой и установление способов их лечения было произведено И. А. Гальнбеком. В виду большого в научном отношении интереса этого явления для обсуждения его было организовано, при содействии Института Археологической Технологии, особое заседание, при участии представителей Института, Академии Наук, Физико-Химического Общества и других ученых учреждений. Аналогичные заседания были устроены для выяснения причин заболевания мрамора в мраморном зале Этнографического Отдела.

Участившиеся случаи ограбления музеев побудили Совет Музея установить ряд мер по наружной и внутренней охране Музея.

Из других вопросов, рассматривавшихся в Совете Музея, следует указать вопросы: о включении ассистентов в состав Советов Отделов, об установлении срока избрания на научные должности, о мерах в связи с сокращениями штатов Музея. Включение ассистентов в состав Советов Отделов было признано желательным в целях теснейшего вовлечения в работу Со-

вепов ассистентов, как лиц уже зарекомендовавших себя в области научной и музейной деятельности. Сроки избрания для лиц научного персонала были установлены следующие: Директор на 5 лет, Ученый Секретарь — 7 лет, Заведующие Отделами — 5 лет, Хранители — 7 лет, Помощники Хранителей — 5 лет, Ассистенты — 3 года, Научные сотрудники — 1 год, Научно-технические сотрудники — 1 год, Старший Библиотекарь — 5 лет, Библиотекари — 5 лет, Помощники Библиотекаря — 3 года, Архивариус — 3 года; все с правом переизбрания.

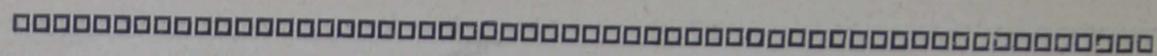
Неоднократное сокращение и без того недостаточных штатов Музея заставляло Совет Музея изыскивать меры к наиболее целесообразному перераспределению работы между сотрудниками Музея. Совету пришлось, например, возложить на одного из Хранителей безвозмездное заведывание библиотеками Художественного и Этнографического Отделов; после сокращения должности Архивариуса и Заведующего складом изданий — передать архив в ведение библиотеки Художественного Отдела, а заведывание складом изданий возложить, в виде дополнительной работы, на Помощника Библиотекаря Этнографического Отдела.

3 июля состоялось открытое годовое заседание Совета, на котором Директором Музея, Хранителем Отделения древнерусского искусства Н. П. Сычевым была произнесена речь на тему: «К вопросу о киевских художественных наследиях в искусстве Великого Новгорода».

III

Состав Совета Художественного Отдела в отчетном году был следующий:

Председатель Совета: Заведующий Художественным Отделом, Хранитель Отделения нового русского искусства П. И. Нерадовский, Члены Совета по избранию: Д. В. Айналов, А. Н. Бенуа, Н. Е. Лансере, С. П. Яремич. Члены Совета по должности: Директор Музея — Хранитель Отделения древне-русского искусства Н. П. Сычев, Председатель Комитета изучения древнерусской живописи С. Ф. Платонов, Хранитель Отделения рисунков и гравюр Д. И. Митрохин, Ученый Секретарь Музея Н. П. Черепнин, Помощники Хранителей: Н. А. Околович, А. П. Иванов, А. П. Смирнов, В. В. Воинов, И. об. Библиотекаря Отдела Б. Г. Крыжановский, Ассистенты: Е. А. Лютер, Е. К. Мроз.

Заседания Сопещания Отделения древне-русского искусства происходили в истекшем году за небольшими исключениями еженедельно. Сопещанием был разработан план деятельности Отделения, рассмотрены вопросы относительно хранения коллекций, устройства постоянной и временных выставок и учено-исследовательской деятельности, в связи с программой Отделения.

Заседания Сопещания Отделения нового русского искусства в отчетном году собирались по мере накопления более крупных вопросов, касавшихся работ Отделения, выполнявшего исключительно сложные задания по устройству выставки и, одновременно, по составлению новой инвентарной описи, каталога коллекций и их систематизации.

Сопещания Отделения рисунков и гравюр было образовано Советом лишь 15 августа; до этого времени в Отделении работала особая Комиссия по устройству выставки Нарбута. Вновь образованное Сопещание, в состав которого, кроме научного персонала Отделения, вошли: Б. Г. Крыжановский, Ф. Ф. Нопгафт, А. П. Остроумова-Лебедева, П. И. Нерадовский, Н. Е. Радлов и С. П. Яремич, занялось в первую очередь разработкой программы периодических выставок и вопросом о пополнении собраний Отделения.

Вопросы, соединенные с реставрацией памятников древнерусской живописи, рассматривались в Комитете изучения древнерусской живописи. В состав его входили: Председатель академик С. Ф. Платонов, Заместитель Председателя Н. П. Сычев, Члены Комитета по избранию: Д. В. Айналов, Альб. Н. Бенуа, А. А. Васильев, В. Т. Георгиевский, П. Л. Гусев, В. Г. Дружинин, С. А. Жебелев, Н. П. Кондаков, А. И. Кудрявцев, Н. В. Малицкий, Л. А. Мацулевич, Н. Я. Марр, П. И. Нерадовский, А. С. Николаев, Н. А. Околович, И. А. Орбели, А. Е. Пресняков, М. Д. Приселков, К. К. Романов, П. Н. Шеффер, Б. В. Фармаковский.

Отделение древнерусского искусства. В отношении общих условий хранения коллекций текущий год может быть разбит на два, резко отличающиеся один от другого, периода: 1) в течение зимы 1921—1922 г. до весны минувшего 1922 г., когда не действовала система отопления, и, второй, лето и зима 1922 года—после капитального ремонта системы отопления. Первый период естественно отразился губительным образом на целом ряде памятников. Особенно чувствительные из них к влаге и холоду, как, например, иконы, подверглись различного рода заболеваниям, а памятники из олова, что должно быть признано исключительным явлением, проявили признаки особого

заболевания, так называемой «оловянной чумы». Во второй из отмеченных периодов такого рода печальных случаев не наблюдалось.

Вновь поступающие коллекции и отдельные предметы, после занесения их в описи и инвентарь, распределялись по соответствующим выставочным залам или запасным помещениям, при чем размещались в зависимости от рода и размеров предметов в специальных витринах, шкафах, особых помещениях и на особых столах; предметы же, сдаваемые на хранение из Музейного Фонда, не использованные для выставок, хранились в особо отведенных для таковых коллекций кладовых, при постоянном наблюдении за их состоянием научного персонала Отделения.

Спешные приемки сдаваемых Музейным Фондом в срочном порядке больших коллекций, как, например, бывшего Древлехранилища Александро-Невской Лавры, и отсутствие, за недостаточностью кредитов, дезинфекционных средств, не всегда делали возможным произвести надлежащие предохранительные меры дезинфекции принимаемых предметов. Укреплять иконы и дезинфицировать ткани приходилось по мере возможности, поступали же они нередко в крайне разрушенном виде.

В связи с происходящею инвентаризацией коллекций, силами научного персонала Отделения была произведена сложная работа по классификации и сосредоточению в определенных местах однородных художественных памятников, находившихся до сего времени в разных помещениях Отделения.

Наряду с такой работой в Отделении производилась начатая в этом году по утвержденному Советом Отдела плану систематическая инвентаризация коллекций и начатое еще в прошлом году их описание. Заинвентаризована коллекция деревянной резьбы, с кратким описанием сюжетов памятников, обмерами, установлением степени сохранности, времени и места происхождения, произведена систематизация их по содержанию; составлена инвентарно-охранная опись для памятников древнерусской станковой живописи новгородского зала и резервных помещений, закаталогизированы металлические брачные венцы, паникадила, подсвечники, кадила и другие металлические предметы древне-русского церковного обихода; составлялся карточный каталог для хранящихся в Отделении коллекций финифти; составлены подробное научное описание памятников древне-русского литья и карточный каталог предметов литья и резьбы по дереву, выставленных в новгородском зале. Кроме того велась работа по составлению инвентарно-охранной описи

икон и, по особому поручению Совета Художественного Отдела, И. А. Гальнбеком составлено научное описание коллекции оловянных предметов.

В связи с инвентаризационной и каталогизационной работой, научным персоналом Отделения подготавливались к печати путеводители по отдельным областям выставленных и подготавливаемых к выставке экспонатов. Подготовлен к печати каталог выставки Поморского искусства, со вступительными статьями Н. П. Сычева и В. Г. Дружинина.

Производились подготовительные работы по устройству выставки коллекций деревянной резьбы и шитья, по переустройству и новой систематике, на основе хронологического и топографического принципов, выставленных предметов древнерусского шитья и по перевеске произведений древнерусской станковой живописи XVI — XVIII вв.

В течение истекшего года Отделение древнерусского искусства, а также временная выставка Поморского искусства были открыты для посещения публики, причем научный и служительский персонал нес в первой половине года в открытых помещениях дежурство при температуре, спускавшейся в среднем до -6° по Цельсию. Перерывы были с мая по август, вследствие длительного ремонта системы отопления со взломом кладки стен в выставочных помещениях, и с октября по декабрь, когда весь служительский и часть научного персонала Отделения были отвлечены спешной и сложной работой по устройству картинной галереи. Через Отделение прошло значительное число экскурсий и отдельных посетителей, в числе коих были представители северно-американской, французской и итальянской миссий, русские и иностранные ученые, члены различных делегаций.

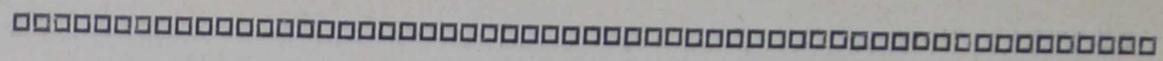
Научно-исследовательская работа Отделения рисуется в следующем виде: хранитель Отделения Н. П. Сычев исследовал византийскую ставропеку Музея, сопоставив ее со всеми другими известными ставропеками; помощник хранителя А. П. Смирнов исследовал по материалам музея вопрос о происхождении и идейном смысле композиции «Фрола и Лавра». Ассистент Е. А. Лютер занималась вопросами: 1) Древнерусская станковая живопись во второй половине XVII в. и в начале XVIII в. (Мастера Московской Оружейной Палаты); 2) Иконопись Петровской и Елизаветинской эпох и 3) Датированные памятники древнерусской станковой живописи конца XVII и нач. XVIII вв. в Русском Музее. Научный сотрудник Л. А. Дурново занималась изучением юго-славянских влияний в области древнерусской

oo

живописи по памятникам Музея, а также изучением Строгановских писем. Кроме того во время командировки в Новгород Л. А. Дурново сличены на месте таблицы издаваемого Музеем альбома воспроизведений Передвицких фресок 1199 г. Научный сотрудник Н. Ф. Романченко, на основании Музейных материалов по медному литью, приготовил доклады: «Медное литье в эпоху Никона»; 2) Новгородское литье и его типы XV — XVI ст.; 3) «Тверское медное литье» и 4) «Эксперсы в области медного литья».

Из непринадлежащих составу Музея лиц, над изучением, находящихся в Отделении памятников работали в отчетном году следующие лица: 1) А. П. Лебединская (шитье) с апреля по сентябрь месяц; 2) Б. Е. Деген — архитектурная композиция икон; 3) А. И. Анисимов — иконы «Богоматерь» типа «Умиления»; 4) А. А. Кудинов и М. М. Стаховская — изображение костюмов на древне-русской иконе; 5) Архитектор Шуко — материалы по искусству эпохи Годунова, 6) Г. П. Жидков — памятники отдельных писем; 7) Сотрудник Исследовательского Института Искусствоведения и Археологии в Москве Алпатов — иконы древнейших писем; 8) М. К. Каргер — иконы византийских и новгородских писем, 9) Евреинова, слушательница Института Истории Искусств иконы новгородских писем.

В культурно-просветительной области исполнена следующая работа: Хранителем Отделения Н. П. Сычевым было сделано для членов Северной экспедиции Московского Музейно-Экскурсионного Института и Петроградского Экскурсионного Института сообщение на тему: «Искусство русского Севера»; он же вел в Музее семинарий по памятникам древне-русского искусства до — монгольского периода с группой слушательниц Института Истории Искусств и читал лекции по памятникам Отделения для группы петроградских преподавателей Трудовой Школы. Помощник Хранителя А. П. Смирнов прочел лекции на темы: 1) Поморское искусство XVIII и XIX в. в. 2) Византийско-греческая и русская икона в их художественном значении. Ассистент Е. А. Лютер вела с отдельными группами занятия по памятникам Отделения и прочла следующие лекции: 1) Древне-русская живопись по сравнению с произведениями италийской живописи XIV и XV вв.; 2) Русская икона по сравнению с византийской иконой, 3) Древне-русская станковая живопись XIV в., 4) Древне-русская станковая живопись XV — XVI вв., 5) Строгановские письма по сравнению с так называемыми новгородскими письмами, 6) Ранние московские письма.

Кроме того, весь научный персонал Отделения провел ряд экскурсий.

Научно-исследовательские задания по Отделению при своем исполнении встречали непреодолимые преграды в том отношении, что, во-первых, сотрудники Отделения не имели возможности получать командировок для сравнительного изучения памятников на местах, и во-вторых, при чрезвычайно тяжелом положении, в котором находилась фотографическая мастерская Отдела, не всегда представлялось возможным получить необходимые для работы фотографические снимки с коллекций и отдельных памятников.

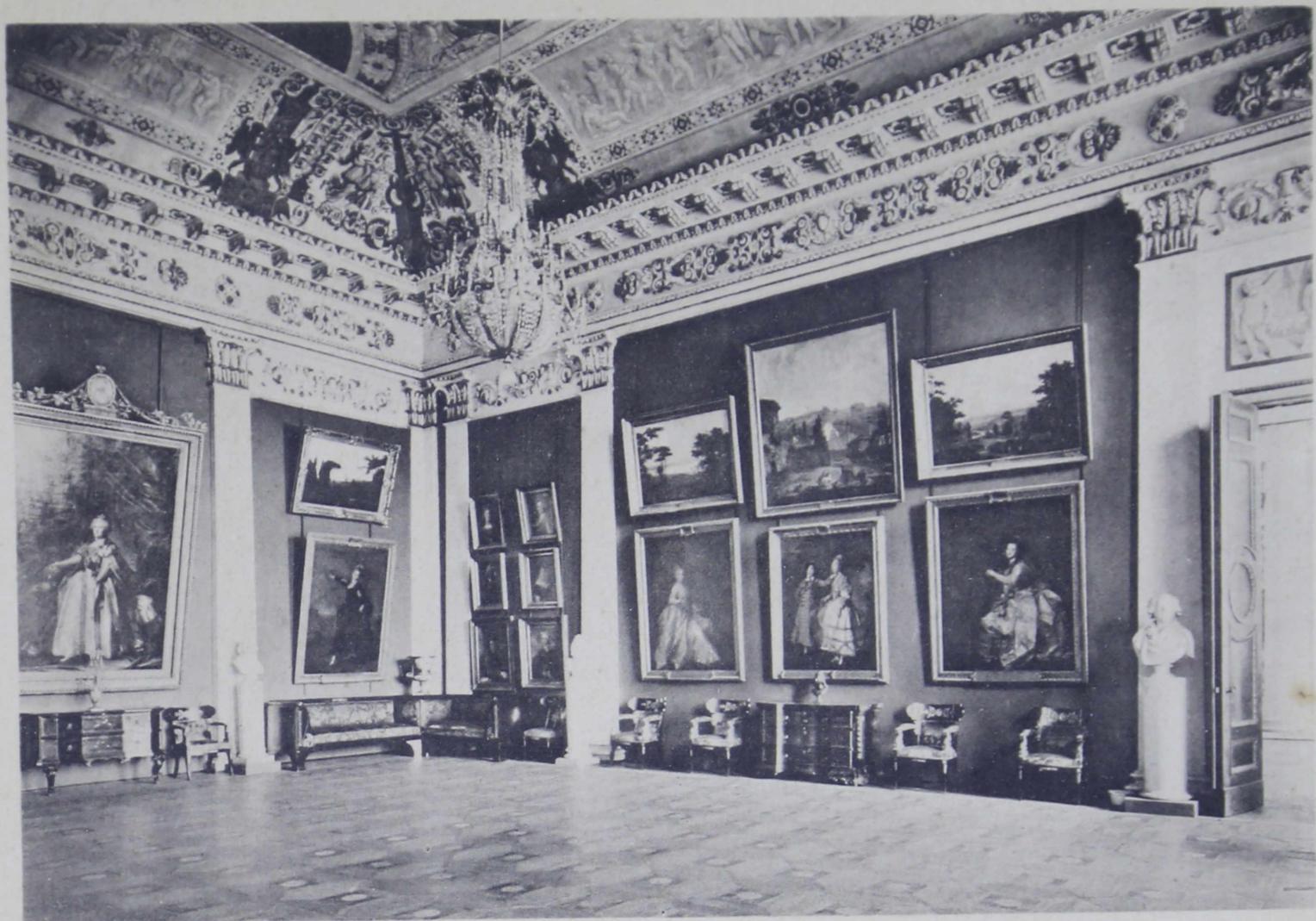
В истекшем году сотрудникам Отделения пришлось принять деятельное участие в работах Комиссии Помгола, проведенных как в самом Музее, так и в хранилищах и храмах Петрограда, присутствовать в качестве экспертов при обследовании по поручению Отдела Музеев, ликвидированных церковей, молелен и разного рода хранилищ, принимать ближайшее участие в работах Реставрационного Подотдела Отдела Музеев Академического Центра, принимать участие в работах Особой Комиссии по изъятию из Петроградских музейных фондов произведений искусства для московских музеев.

Отделение нового русского искусства. Отделение нового русского искусства в отчетном году выполнило в значительной части работы по проведению в жизнь плана устройства Отделения на новых началах. Работы эти, начатые еще за четыре года до объявления войны, — с половины 1914 года были прерваны внешними событиями.

С февраля 1917 г. выставочные залы Отделения были закрыты для посетителей. 7 ноября 1918 г. залы верхнего этажа Отделения были вновь открыты для посетителей, и к этому времени были приготовлены пробные развески картин нескольких зал, причем эти новые развески картин получили более цельный характер в залах с произведениями А. Иванова, Репина, художников 90-х и начала 900-х годов и в зале Врубеля. Одновременно же, в верхнем этаже, в малом угловом зале, выходящем в сад, сохранившем архитектурные украшения Росси, — был дан образец выставки коллекций на новых началах, с соблюдением архитектурной цельности зала и выставляемых в нем коллекций; зал этот был окрашен соответственно с его архитектурным убранством, в нем были просторно размещены избранные картины русских мастеров XVIII и первой половины XIX вв. и статуи Козловского; в зале расставлена мебель, исполненная по рисункам Росси.

БИБЛИОТЕКА
И. М. 2678
Инв. №

Б. 3282
Инв. №

Зал Левицкого

oo

Эти пробные размещения коллекций были произведены с целью наглядно показать, что прежнее устройство картинной галлерей Художественного Отдела не соответствует требованиям, предъявляемым к Художественному Музею, и не использует всех возможностей, которые находятся в распоряжении Музея, обладающего богатейшим собранием произведений русских художников XVIII и XIX вв. и помещением, известным своими высокими архитектурными качествами. Произведенные опыты были достаточно убедительны, чтобы не оставить более сомнения в том, что картины и статуи, относящиеся ко второй половине XIX в. и началу XX в., не могут не теряться в залах с богатыми архитектурными деталями иной эпохи и нуждаются в более простых помещениях, с гладкими стенами; в то же время произведения мастеров эпохи постройки Михайловского дворца, а также и мастеров XVIII в. лучше выявляются в обстановке зал, сохранивших свое богатое архитектурное убранство.

Отсутствие в то время у Музея средств на устройство выставки, работы по организации Отдела охраны памятников искусства и приему коллекций в Музей, по эвакуации коллекций в Москву и другие большие работы, а также тяжелые условия жизни Отдела, отодвинули вопрос об устройстве выставки картинной галлерей до 1922 г., несмотря на постоянные усилия администрации Музея по проведению означенной работы.

За это время был разработан общий план устройства Художественного Отдела, в который входило расширение помещений Художественного Отдела путем использования старого флигеля Росси, так как было очевидно, что прежнее помещение не может вместить значительно пополненных коллекций Отделения.

Работы по ремонту прилегающих к Художественному Отделу помещений флигеля были начаты в 1919 г., но вскоре их пришлось прервать за отсутствием средств и ограничить работы по устройству выставки в помещении главного здания. Поэтому Совет Художественного Отдела поручил П. И. Нерадовскому разработать план выставки Отделения соответственно с ограничением, продиктованным обстоятельствами, и в заседании 4-го мая 1920 г. основной план был утвержден и затем разрабатывался детально до его проведения в жизнь летом отчетного года.

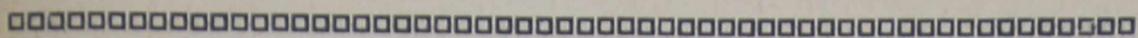
Новое размещение коллекций для выставки в указанных помещениях встретило ряд, обусловленных планом помещений главного здания Художественного Отдела, непреодолимых за-

пруднений, из которых главнейшие следующие: 1) большие залы (прежде театральные и балльные), в которых помещаются картины громадных размеров Угрюмова, Брюллова, Бруни, Семирадского, Поленова, К. Маковского, Репина, Сурикова и др. художников, — не могут быть иначе использованы в плане нового размещения, так как для огромных полотен, развешанных в этих залах, нет в настоящее время помещений в соответствующих местах; 2) белоколонный зал (ранее парадная гостинная), восстановленный в 1917 году после того, как Елена Георгиевна Альтенбургская принесла в дар Музею художественную мебель, исполненную по рисункам Росси для этого зала, — является в своем ансамбле памятником дворцового убранства комнат 20-х годов прошлого столетия. В этом зале возможно лишь выставить картины декоративного характера, так как художественные произведения более интимного творчества, помещенные в нем среди золоченой мебели, расписных плафонов и стен теряют в своем самодовлеющем впечатлении; 3) последний зал верхнего этажа не может быть целесообразно использован по той причине, что весь этот зал и его стены вычурно обработаны в эпоху Александра II-го, во вкусе того времени; 4) ряд зал нижнего этажа с недостаточным светом, в особенности четыре зала, окна которых выходят под арки садового балкона, могли бы быть использованы лишь для выставки рисунков и гравюр. Таким образом, работа по новому устройству выставки могла быть выполнена лишь в условиях указанных неудобств, устранить которые не было возможности.

Новый план размещения коллекций имеет целью представить исторический ход развития русского искусства с XVIII века и до наших дней, и является в то же время продолжением выставки собраний древне-русского искусства. В основу размещения коллекций, насколько позволяет план здания, — положено: размещение их в исторической последовательности, по эпохам, в которых коллекции группируются по отдельным печениям; в этих группах, в свою очередь, художественные произведения размещены — по авторам, по возможности таким образом, чтобы каждую картину и всякий выставленный художественный предмет можно было смотреть отдельно, и чтобы соседние картины и предметы наиболее выгодно выделяли ее и гармонировали с ней.

Ярким художественным явлениям в русском искусстве отведены лучшие места, с таким расчетом, чтобы посетитель не мог пройти мимо них при осмотре. Не всем наиболее

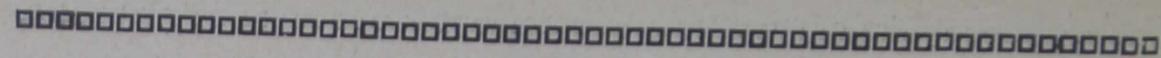

выдающимся русским мастерам удалось отвести отдельные залы или стены, тем не менее всем мастерам, имеющим большое значение в русском искусстве, отведены по плану возможно большие и лучшие места в залах. Произведениям художников, имеющих значение лишь дополнительное, поясняющее то или иное из определенных течений в искусстве, — отведены второстепенные места и то лишь настолько, насколько это позволяет размер помещения.

Отчасти при распределении коллекций принималась во внимание техника выполнения: так в отдельных витринах и ширинках, в соответствующих залах выставлены рисунки тех художников, картины которых или статуи находятся в этих залах, и рисунки вообще характеризующие представленные в этих залах течения. Кроме того, рисунки и акварели выставлены вместе с картинами масляными красками в залах, отведенных произведениям отдельных художников, как например, в залах А. Иванова, К. Брюллова, Федотова и др., или в тех случаях, когда рисунки помогают наглядному пониманию отдельных художественных явлений; так, например, при размещении коллекций новейшего русского искусства на стенах, вместе с картинами масляными красками, выставлены пастели, акварели и рисунки тех же художников. Такое размещение продиктовано вообще смешанным характером техники современного искусства.

Кроме того, для выставки рисунков отведены два зала верхнего этажа, выходящие окнами в световые дворы. Из них один зал (бывший кабинет Управляющего Музеем) — для рисунков XVIII века и другой зал (бывший Хранительский кабинет) — для рисунков первой половины XIX века. Независимо от того, для периодических выставок рисунков и гравюр устроено особое помещение из шести комнат, с отдельным входом в старом флигеле.

Произведения русской скульптуры размещены соответственно общему плану и в исторической последовательности, причем в вестибюле и на площадках за колоннами, а также в залах верхнего этажа выставлены произведения скульпторов до половины XIX века, а в залах нижнего этажа и в садовом вестибюле — произведения скульпторов начиная со второй половины XIX века и до наших дней. Выставка произведений русской скульптуры осталась до сего времени не законченной по следующим причинам: 1) недостаток помещения в пределах устроенной выставки не позволил уделить больше места для произведений скульптуры; 2) произведения русской скульптуры

из мрамора и бронзы резвакуированные из Москвы остаются упакованными в ящиках до выяснения вопроса в каком музее они будут выставлены; 3) недостаток средств не позволяет произвести пополнения собраний Музея произведениями знаменитых русских скульпторов путем отливки их из бронзы.

По новому плану обозрение коллекций Отделения нового русского искусства начинается с первого зала верхнего этажа, в котором выставлены произведения Ив. Никипина, Матвеева, Вишнякова, Ив. Аргунова, Махаева, Чемесова, Антропова и др.; за этим залом следуют:

II зал — рисунки и акварели русских художников XVIII века.

III зал — иностранные художники, работавшие в России: произведения Таннауэра, Каравакка, Распрелли, Людерса, Ротари, Георга Грота, Ив. Грота, Виже-Лебрэн, Рослина, Тончи, Фонтебассо, Дау и др.

IV зал — Белоколонный зал. Дворцовая гостинная 20-х годов XIX века, по рисункам Росси. Продолжение коллекции иностранных художников, работавших в России. Произведения Лампи отца, Вуаля, Монье и др., а также два больших портрета Боровиковского.

V зал — Левицкого. Произведения Левицкого и его учеников и бюсты Ф. Шубина.

VI зал — Произведения Рокотова; Родчева, Сем. Щедрина, Ф. Алексеева, Мартынова, Ф. Щедрина, Статина и др.

VII зал — Боровиковского.

VIII зал — произведения Кипренского, Козловского, Сильвестра, Щедрина, Ф. Толстого, Орловского, М. Лебедева и др.

IX зал — Венецианова, его учеников и произведения Тропина, Варнека, М. Воробьева, Алексеева.

X зал — произведения Зарянко, Г. Чернецова, Н. Чернецова.

XI зал — Карла Брюллова и произведения Басина, Витали и др.

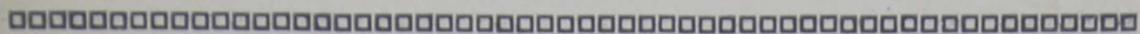
XII зал — Александра Иванова.

XIII зал — Федотова и произведения Чернышева, Смирнова, Пушкарева, Н. Сверчкова, Александра Попова, Андрея Попова, А. Боброва и др.

XIV зал — произведения Неффа, Макарова, Гагарина, Бока, Попова, Лансере, Лаврецкого.

XV зал — имени Росси. Рисунки и акварели русских художников первой половины XIX века.

Площадки вестибюля за колоннами — произведения скульпторов: Б. Орловского, Бока, Демут-Малиновского, Витали, Климченко, Ставассера, Н. Пименова, Рамазанова, Логановского и др.

XVI—XVII залы — Академическое искусство. Произведения П. И. Соколова, Пучинова, Угрюмова, Д. Иванова, Лосенко, Шебуева, Егорова, Андр. Иванова, Сазонова, Бруни, К. Брюллова, Басина, Випали, Флавицкого, Ставассера, Айвазовского, Ге и др.

XVIII зал — произведения Семирадского, Ковалевского, К. Маковского, Поленова, Репина, Савицкого, Смирнова, Несперова, В. Васнецова, Сурикова, Каменского, Антокольского.

Нижний этаж.

XIX зал — произведения Перова, Ге, Чистякова, Максимова и др.

XX зал — произведения Крамского, Васильева, Саврасова, Мясоедова, Морозова.

XXI зал — произведения Репина, Петра Соколова, Куинджи, Судковского, В. Маковского, Ярошенко, Антокольского, Гинцбурга и др.

XXII зал — произведения Шишкина, Е. Волкова, Антокольского.

XXIII зал — произведения К. Маковского, Харламова, Бакаловича, Лагорио, Липгарта, Риццони, В. В. Верещагина, Альберта Бенуа, Зичи, Трутовского и др.

XXIV зал — произведения Сурикова, Несперова, Левитана, Ап. Васнецова, Малюпина, С. Коровина, Фокина и др.

XXV зал — произведения Серова, Сомова, Бакста, Врубеля, Е. Поленовой, Якунчиковой.

XXVI зал — произведения Александра Бенуа, Е. Лансере, Остроумовой-Лебедевой, Добужинского, Кустодиева, Рябушкина, Серебряковой, Яремича и др.

XXVII зал — произведения Рериха, Замирайло, Рылова, Стелецкого, Браза, Кардовского, Н. Петрова и др.

XXVIII зал — произведения скульпторов: Антокольского, Беклемишева, Велионского, Чижова, Бернштама и др.

XXIX зал — произведения Борисова-Мусатова, Богаевского, Чурляниса, Сапунова, Судейкина, Крымова, Гауша, Билибина, Нарбута, Чехонина, Мипрохина, Анисфельда, Голубкиной и др.

XXX зал — произведения Малявина, К. Коровина, Архипова, Юона, Головина, Коненкова, Жуковского, Виноградова, Грабаря, Тархова, Туржанского и др.

XXXI зал — произведения А. Яковлева, Сарьяна, Петрова-Водкина, П. Кузнецова, Григорьева, Кончаловского, Машкова, Бурлюка, Рождественского и др.

XXXII зал — произведения Матвеева, Ларионова, Гончаровой, Ленгулова, Фалька, Шагала, Альпмана, Анненкова, Клюна,

oo

Мипурича, Тамлина, Бруни, Якулова, Удадьцовой, Кандинского, Малевича и др.

Задание, положенное в основание настоящего плана устройства выставки Отделения нового русского искусства, выполнено наиболее полно лишь в залах верхнего этажа, где является вполне возможным довести работу до конца путем детальных исправлений. В то же время, в этой части выставки возможно дать почти исчерпывающую полную картины искусства в России за XVIII в. и первую половину XIX века, если осуществится давнишнее стремление Музея пополнить пробелы этой части собрания необходимыми для указанной цели, произведениями первой половины XVIII века и некоторыми другими из коллекций Академии Художеств, о чем Музей возбуждал вопрос уже много лет. Что же касается другой части устроенной ныне выставки — произведений художников второй половины XIX века и начала XX века, то в этой части, все устройство выставки в залах нижнего этажа главного здания, нужно признать временным, как в силу того, что это помещение недостаточно по своей выставочной площади и неудовлетворительно в значительной части для выставки картин, которые нужно было в нем разместить, так и потому еще, что в этой части собрания Музея представляет значительные пробелы. Пополнить эти пробелы и устроить соответствующее помещение, путем ремонта выставочных зал в помещениях флигеля, примыкающих к главному зданию, является неопложной задачей Музея. Только этим путем возможно будет устранить указанные выше недостатки настоящего устройства, которые особенно обращают на себя внимание после успешного выполнения работ по устройству выставки в большей части зал верхнего этажа, и только тогда явится возможность дать цельное впечатление от всей картинной галереи и надлежащим образом разместить все коллекции.

Подготовительные работы по приведению в исполнение такого плана были выполнены в значительной части до начала ремонтных работ по устройству зал, но они не могли быть законченны потому, что главное здание Художественного Отдела не отапливалось и не представлялось возможным вести работу интенсивно в отсыревших помещениях с промерзшими стенами.

Весною отчетного года были законченны работы по ремонту системы отопления и вентиляции главного здания Художественного Отдела. По окончании ремонта и испытания системы

oo

было приступлено к отоплению и венпилированию здания для просушки его от сырости, образовавшейся за предшествовавшие годы, в которые здание оставалось без отопления. Одновременно были ремонтированы световые фонари и части крыши главного здания Художественного Отдела, дававшие протечки при таянии снега и во время дождей; эти протечки причиняли значительные повреждения балкам, карнизам, плафонам и др. частям здания.

Указанные ремонтные работы дали возможность приступить к окраске зал главного здания и частичной реставрации их, без чего невозможно было осуществление задания, положенного в основу нового устройства выставки картинной галереи. Это задание требовало возможного восстановления архитектурной цельности зал, искаженных ремонтом в 90-х годах, когда все стены зал, карнизы, пилястры, барельефы и др. архитектурные детали, были окрашены в монотонные бурые и коричневатые-серые тона, к тому же сильно почерневшие от многолетней грязи. Своей удручающей, при обозрении длинных рядов зал, однообразностью, они искажали и нарушали гармонию архитектурных замыслов гениального строителя здания. Проект окраски зал был выработан на основании сохранившихся данных о цвете их стен при Росси, в зависимости от уцелевших расписных плафонов, фризов и других частей, а также применительно к живописным коллекциям, предназначавшимся для выставки в соответствующих залах. Само собою разумеется, что часто задача оказывалась невыполнимой вследствие невозможности получить нужную краску для намеченного тона, провести полную реставрацию того или иного зала или его деталей, и приходилось останавливаться на компромиссном решении.

Несмотря на большие трудности, встретившиеся при выполнении этих сложных работ, окраску и частичную реставрацию зал удалось провести, благодаря ценному содействию задаче Музея, проявленному как Петроградским Отделением Управления Научных Учреждений, изыскавшим необходимые средства для этих работ, так и Отделом Музеев.

Одновременно с ремонтными работами велись работы по подготовке коллекций Отделения Нового искусства к их выставке, причем в отремонтированных залах развешивались картины и устанавливались произведения скульптуры и мебель. К 3-му июля были, таким образом, подготовлены три зала верхнего этажа, и в этот день в Брюлловском зале состоялось открытое годовое заседание Совета Русского Музея.

Планомерное проведение работ по размещению коллекций, часто нарушалось, в связи с ходом ремонта зал, сыростью массивных стен, особенно на северной части здания, разрывом труб системы отопления, для починки которых приходилось проламывать стены и, наконец, задержками при отпуске кредитов, вследствие чего происходили перерывы в работе.

При устройстве выставки на ряду с основными коллекциями Художественного Отдела, были широко использованы и коллекции, поступившие в Отдел на хранение, среди которых значительная часть поступила в Музей при энергичном содействии Управления Государственным Музейным Фондом и его сотрудников. Многие драгоценные художественные произведения, украшающие ныне картинную галерею Отдела, спасены ими от гибели. Во время подготовительных работ для многих картин и рисунков были подобраны рамы, подрамки, большое число рам было реставрировано, произведены также ремонты пьедесталов и некоторой части мебели.

Сложная работа по перемещению коллекций, особенно картин больших размеров и тяжелых статуй, производилась в согласовании с работами по ремонту зал, причем предметы громоздкие устанавливались во время окраски посредине зал и тщательно закрывались, более мелкие предметы уносились в другие помещения. Старая развеска картин заносилась на особые планы по стенам и отчасти фотографировалась.

Снятые со стен картины описывались по особой инструкции для составления нового инвентаря, причем на все предметы составлены особые карточки, на которые занесены: номера, автор, название, дата, описание композиции, материала, состояния предмета, надписи и подписи на лицевой и на оборотной сторонах и др. сведения инвентарного характера. Работа эта протекала в зависимости от того, насколько можно было использовать предмет для описания, так как коллекции постоянно перемещались и убирались по мере необходимости подготавливать помещения для ремонта, что очень затрудняло работы по инвентаризации. Систематизированные коллекции переносились в ремонтируемые залы и по окончании инвентарного описания предметов размещались на места.

Таким образом одновременно с устройством выставки, произведены уже в значительной части работы по систематизации и инвентарному описанию коллекций. Коллекции, не помещенные в настоящее время на выставку, — размещены в запасных помещениях, где надлежит их устроить таким образом, чтобы они могли быть доступными для изучения.

Руководство экскурсиями лежало на сотрудниках Художественного Отдела и сотрудниках экскурсионных организаций.

Экскурсии были самых различных типов, начиная от красноармейцев, воспитанников детских домов и учащихся в школах для взрослых неграмотных и оканчивая слушателями высших учебных заведений и начинающими руководителями. Среди экскурсий обращают внимание цикловые экскурсии, преимущественно учащихся в высших и средних учебных заведениях; из числа их некоторые сделали до 10-ти посещений.

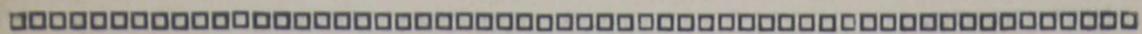
Всего в отчетном году Отделение посетило 42.132 человека.

В 1922 году в Отделении состоялось четыре публичные лекции, прочитанные научным сотрудником Художественного Отдела В. К. Станюковичем на следующие темы: 1) «Творчество Серова», 2) Две лекции о жизни и творчестве Врубеля и 3) О творчестве В. А. Борисова-Мусатова. Лекции эти происходили перед произведениями названных художников, хранящимися в Музее.

Кроме того сотрудники Отделения знакомили руководителей экскурсий с вновь выставленными коллекциями и давали о них сведения лицам, работавшим в Отделении по вопросам истории русского искусства. В числе их большинство были слушатели высших учебных заведений Петербурга и Москвы, а также работники провинциальных музеев, которые посещали Отделение для ознакомления с постановкой музейной обработки коллекций и с вопросами их хранения.

Отделение рисунков и гравюр. Коллекции рисунков и гравюр, за неимением единого оборудованного помещения, находятся в разных частях Музея; рисунки — в главном здании Художественного Отдела, а гравюры — в старом флигеле. Рисунки и гравюры хранятся в отдельных обложках расположенными по 5 размерам (в каждом размере соблюдается алфавитный порядок художников). Часть рисунков хранится наклеенными на особые паспарту и в специальных коробках-альбомах. Часть рисунков к 1 января 1923 г. находилась в витринах выставочных зал Художественного Отдела и на выставке Г. И. Нарбута.

В Отделении продолжалась работа по описанию рисунков для нового инвентаря и по составлению карточного каталога гравюр. Начата работа по полной проверке всех коллекций Отделения. Для этой цели производилась работа по систематизации коллекций и составлению черновых карточек указателей гравюр и рисунков.

Всего в Отделении в настоящее время хранится гравюр, литографий разных родов эстампов, рисунков, акварелей, про-рисей, чертежей 35540 листов.

Из посторонних лиц в отчетном году в Отделении работали: А. Н. Свирин, хранитель ризницы Троице-Сергиевской Лавры (коллекция лубков Евдокимова, литографий Скино и др.); Брызгина, студент института Истории искусств (рисунки Кипренского); Стебницкий (рисунки русских архитекторов и коллекции театральных постановок); Молчанов (рисунки Садовникова); Г. П. Жидков, научный сотрудник Московского Научно-Исследовательского Института искусствознания и археологии (рисунки Лосенко); Е. А. Хлобощина, слушательница института Истории Искусств (рисунки К. Брюллова); А. Н. Греч, сотрудник Московского Государственного Университета (рисунки П. Ф. Соколова); В. В. Згура, сотрудник Московского Государственного Университета (рисунки Г. Г. Гагарина).

В 1922 г. Отделением была устроена выставка произведений Г. И. Нарбута, открытие которой состоялось 18-го июля. В состав ее вошли его рисунки и описки его работ как принадлежащие Музею, так и предоставленные специально для этой выставки учреждениями и частными лицами. Благодаря этому удалось собрать совершенно исключительный по своему полноте материал, обрисовавший творческий облик почившего художника чрезвычайно рельефно.

Памятником этой выставки явился подробный ее каталог, изданный Комитетом популяризации художественных изданий; материал для этого каталога был подготовлен Д. И. Митрохиным, Б. Г. Крыжановским и Ф. Ф. Нотгафтом; вступительные статьи написаны П. И. Нерадовским и Д. И. Митрохиным.

В связи с этой выставкой на открытых заседаниях были прочитаны пять докладов, всесторонне обрисовавших личность и творчество умершего художника: Д. И. Митрохин: «Нарбут, как художник книги»; В. В. Воинов: «Жизнь и творчество Г. И. Нарбута»; Ф. Л. Эрнст: «Киевский период в жизни и творчестве Г. И. Нарбута» и С. В. Чехонин и М. В. Добужинский «Воспоминания о Нарбуте».

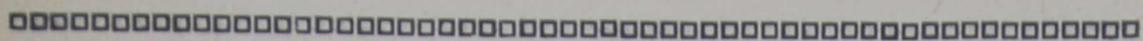
Успех выставки и ее огромное значение для выяснения творчества Г. И. Нарбута привели к выводу, что необходимо дальнейшее устройство таких выставок, и Собрание при Отделении гравюр и рисунков наметило их программу, ограничив материал теми художественными произведениями, которые предназначались для воспроизведения. В ближайшую очередь

Совещанием намечено устройство выставки работ художников Александра Бенуа, Л. Бакста и К. Сомова.

В декабре месяце Отделение принимало участие в устройстве выставки коллекций рисунков русских художников с XVIII в. до нашего времени, которая входила в план устроенной ныне выставки Отделения нового русского искусства.

Правильное выполнение задач, входящих в круг деятельности Отделения рисунков и гравюр и организация его работ чрезвычайно пормозится отсутствием оборудованного специального помещения, как для правильного хранения коллекций Отделения, так и для работы служащих в Музее и посторонних посетителей и специалистов.

Реставрационная мастерская. На реставрационную мастерскую в отчетном году выпала тяжелая задача ликвидации массового разрушения памятников древней и новой живописи, явившегося следствием катастрофы с отоплением музея в 1920 г., когда по указанной причине вследствие резко упавшей до -7° температуры, недостатка электрической энергии для вентиляции и в связи с этим сыростью, достигавшей 100% по гигрометру, обнаружилось массовое заболевание памятников живописи, нередко угрожающего характера: осыпание верхних слоев левкаса и краски, вздутие левкаса, покрытие картин плесенью, помутнение лака на них, прорастание тловых спорон грибами, отслоение живописи от холста и т. под. Кроме того, в связи с постановлением Московской Конференции 1921 г. по делам реставрации о расширении мастерской Русского Музея, в целях обслуживания ею не только собраний Музея, но и всей Северной области, на мастерскую легли тяжелые задачи обследования состояния находящихся в области русских памятников древней и новой живописи, имеющих особое художественное и историческое значение и принятия экстренных мер к их спасению. В соответствии с утвержденным Советом Художественного Отдела планом работ мастерской, в ее задания вошло обслуживание коллекций всех дворцов, музеев и церквей Петрограда и его окрестностей, а также хранилищ и церквей древних и культурных центров Северной области. В силу этого, кроме работ по постоянному наблюдению за состоянием коллекций Музея и их реставрации, мастерская произвела обследование памятников живописи, оставшихся без должного технико-реставрационного наблюдения в Казанском Соборе, особняках б. Строгонова, Бобринского, Шувалова, Юсупова и Шереметева, Мра-

морном Дворце, собрания А. П. Боткиной, в Измайловском Соборе, Александро-Невской Лавре, Преображенском Соборе, Церкви Николы Барградского, Археологическом Институте, церквях и хранилищах в Новгороде, Пскове и Старой Ладогe. Кроме того, было приступлено к реставрации памятников древней живописи большого исторического и художественного значения, поступивших в мастерскую из Кирилло-Белозерского монастыря, Александра-Свирского монастыря, Лодейного Поля и Владимирского собора в Петрограде.

Для выполнения обширных работ представилось необходимым образовать особое отделение мастерской для реставрации памятников, не входящих в состав коллекций Музея, что и было исполнено при содействии Отдела Музеев Академического Центра. Благодаря включению в состав Русского Музея Комитета изучения древне-русской живописи, учено-исследовательские работы которого теснейшим образом примыкали к работам реставрационной мастерской, деятельность мастерской явилась особенно плодотворной, а принципы, положенные в основу этой деятельности и уже особо отмеченные в 1921 г. специальной Комиссией, назначенной Московской Конференцией по делам реставрации, как в высшей степени правильные и целесообразные, получили прочное научное обоснование и дальнейшую разработку.

Благодаря начавшемуся с 27-го октября 1922 г. отоплению главного здания Художественного Отдела и установлению нормальной вентиляции, в отчетном году в Художественном Отделе Русского Музея наблюдалась нормальная температура и влажность и прекратилось губительное действие на памятники резких температурных колебаний. Поэтому мастерская имела возможность произвести следующие работы:

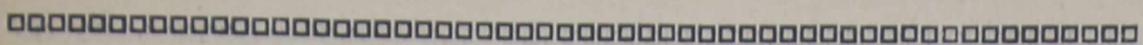
а) По коллекциям, хранящимся в Художественном Отделе: 1) произведен детальный осмотр всех памятников древней и новой русской живописи, 2) произведено укрепление (временное и постоянное) памятников, в количестве 305, древней русской живописи, 3) произведена замена временного укрепления постоянным 14 памятникам древней живописи, 4) произведена сложная техническая реставрация с починкой досок у 21 ипалогреческой иконы, 5) реставрировано 14 картин новой живописи.

б) По коллекциям вне Отдела: 1) укреплены постоянным укреплением 85 Строгановских икон из Строгановского особняка, 2) произведена сложная реставрация иконы Антония и Феодосия работы Боровиковского в Казанском Соборе, пострадавшей при падении, 3) произведен осмотр всех памятников живописи

в Казанском Соборе, 4) произведен осмотр всех икон Древле-хранилища Александро-Невской Лавры и временное укрепление 150 из них, требовавших такового укрепления при передаче их на хранение в Русский Музей, 5) произведен осмотр, временное и постоянное укрепление 109 памятников древней живописи в особняке Шереметева, 6) произведена реставрация копии А. Бруни с картины Рафаэля «св. Семейство» [из Мраморного Дворца], 7) произведены осмотр памятников живописи XVI в. из церкви Николая Барградского и временное укрепление двух особо пострадавших икон, взятых в мастерскую Музея, 8) осмотрены картины в дворцах-музеях Строгановском, Шуваловском, Юсуповском, Мраморном Дворце и собрании Боткиной, 9) укреплены 34 иконы из собрания Археологического Института, 10) укреплены царские врата XVI в. Александро-Свирского монастыря, 11) начата расчистка в связи с укреплением иконы Георгия из Лодейного Поля, 12) расчищена в связи с укреплением икона Параскевы из Лодейного Поля, 13) расчищена в связи с укреплением нижняя часть фрагмента выносного креста XVI в. из Лодейного Поля, 14) расчищены и укреплены две иконы из Владимирского Собора и переведена на новую доску икона Николая из того же собора, 15) 16 доставленных из Кирилло-Белозерского монастыря икон высоких писем освобождены от грубых реставраций, произведенных ранее на месте неизвестными реставраторами и укреплены; работы по укреплению остальных 20 икон продолжаются.

в) Работы в древних культурных центрах: 1) в Новгороде осмотрены фрески XIV в. ц. Федора Стратилата и приняты предупредительные меры против осыпания и падения, 2) произведен детальный осмотр памятников Новгородского Древле-хранилища и всех церквей города и пригорода, 3) в ц. св. Георгия в Ст. Ладоге осмотрены фрески XII в. 4) осмотрены памятники 18 церквей г. Пскова и Паганкиных Палат.

О результатах всех осмотров и произведенных работ сделаны доклады в Совете Художественного Отдела Русского Музея и в Реставрационном Под'отделе Академического Центра. Процессы реставрации каждого памятника сопровождались детальными дневниками, протоколами, фотографированием памятников до реставрации, в различные периоды работы и после окончания таковой; в отношении некоторых памятников были исполнены прорисы, на которых были нанесены все следы предшествовавших разновековых реставраций, наглядно выявляющие всю историю бытия этих памятников.

Значительные и иногда непреодолимые затруднения мастерская испытывала вследствие того, что при ликвидации деятельности живописной секции Реставрационного Отдела Акцентра и передачи ее функций реставрационной мастерской Русского Музея в распоряжение Музея не были перечислены соответствующие кредиты. Кроме того тяжелое финансовое положение Музея не могло не отразиться и на условиях деятельности мастерской. За отсутствием особых кредитов ее сотрудникам нередко приходилось на свой счет приобретать необходимые для реставрации материалы и совершать поездки для осмотра и реставрации памятников древней и новой живописи.

Библиотека, Фотографический архив и архив рукописей. В истекшем году из-за тесноты помещения не удалось устроить зал для чтения в помещении библиотеки и пришлось ограничиться выдачей книг, как и в предыдущие годы. Ожидаемое увеличение помещения библиотеки, если оно будет произведено, даст возможность организовать занятия в библиотеке и допустить к ним посторонних Музею лиц, ходатайства которых до сих пор приходилось в большинстве случаев отклонять.

В 1922 году новые поступления были незначительны. Правильного пополнения библиотеки в отчетном году не было, вследствие отсутствия средств на это; пополнение библиотеки ограничилось поступлениями в дар от учреждений и частных лиц, причем следует отметить, что некоторые издательства, как «Аквилон» и «Комитет популяризации художественных изданий» систематически снабжали Отдел своими новыми изданиями. Все новые поступления проведены по книгам библиотеки. Незарегистрированы пока книги, поступившие из библиотек Георгия Михайловича и Измайловского полка; их регистрация задержана, дабы не нарушить последовательности записи в инвентарную и шифровые книги. Основной работой библиотеки были: а) составление новых инвентарных и шифровых книг; б) работы по созданию новых карточных каталогов. Первая работа приближается к концу: закончены шифровые книги по русским и иностранным книгам и инвентарь русских книг (кроме книг из библиотек, поступивших за последнее время), начат инвентарь иностранных книг. Вторая работа также успешно подвигается вперед. Уже составлены карточки на большую часть русских книг и на значительное число книг иностранных. Карточки составляются непосредственно с книги и немедленно дублируются для систематиче-

ско́го катало́га. Закончен карточны́й катало́г журна́лов и дру-
гих повре́нных изда́ний — русски́х и иностранны́х. Были со-
спавлены описи библиотек, хранящихся в Отделе (Аргутин-
ского-Долгорукого, Танеева и др.). Библиотека принимала
участие в устройстве выставки произведений Г. И. Нарбу́та.

В фотографическом архиве продолжались работы по реги-
страции вновь поступивших коллекций и еще не регистриро-
ванных прежних. Была зарегистрирована большая коллекция
фотографа Лушева (2556 негативов), записаны негативы из
Академии Художеств, зарегистрированы коллекции отпечатков
из Академии Художеств, из коллекции Александра и новые
работы К. К. Кубеша. Начат инвентарь фотографического
материала Художественного Отдела, по новой системе. По-
ступила, но еще не зарегистрирована обширная коллекция
снимков Машукова, хранившаяся в Памятном Отделе. В руко-
писном архиве шла работа по описанию документов и руко-
писей и составлению инвентаря к ним. За 1922 год описано
собрание рукописей А. А. Иванова (304 документа) и в инвен-
тарную книгу, вновь заведенную, записано 1429 документов из
21 собрания. Подготовлено к описанию собрание Железнова.

Поступления в Художественный отдел. I) По
Отделению древне-русского искусства. Приобретено от
И. С. Горцева 4 предмета древнерусского медного литья. Пере-
дано на хранение из Музейного Фонда — 43 предмета окладов,
икон, литья и шитья, в том числе шипая пелена XVII в. из
Чесменской Богадельни.

II) По Отделению Нового русского искусства. Принесено
в дар от Комитета Общества Поощрения Художеств: 1) Мель-
никова Ивана «Поклонение пастырей», с подписью «писаль
Иванъ Мѣльниковъ въ Декабрѣ 1833 года въ селѣ Новомъ
Усолѣѣ», на обратной стороне посвящение гр. Г. А. Строга-
нову, 2) Боровиковского «Омовение ног», 3) Бриоски «Портрет
почт-директора К. Я. Булгакова» (1830 г.).

Передано для выставки: из Государственного Эрмитажа
1) П. В. Жуковского «Две картины», 2) Г. П. Чернецова «Парад
на Марсовом поле 1832 г.», 3) А. Матвеева — Аллегорическая
картина «Живопись»; из особняка Шереметевых-Рослена
«Портрет Строганова»; из особняка Шуваловых — 1) Сил. Щед-
рина «Итальянский пейзаж», м. к. 2) Заболотского «Пейзаж»,
м. к. Из Суворовского Музея — Сурикова «Переход Суворова
через Альпы», м. к. Из Академии Истории Материальной
Культуры — Куинджи «Ночь на Днепре», м. к. Передано на хра-

Зал Федотова

офортов» изд. в Хабаровке (гравюры на линолеуме Львова, и др. художников) 21 лист. От В. Н. Левитского: Левитский В. Н. Цинкограф. оттиски с работ для книг: Ф. Сологуба «Коспер дорожный» А. Глобы «Корабли издадека»; К. Липскерова «День шестой»; С. Парнок «Розы пиерии» и С. Абрамова «Зеленый Зов» (всего 12 лист). От Ф. Л. Эрнста: Г. И. Нарбут — 8 оттисков с его произведений, от Н. Ф. Романченко — Уткин медная доска гравюры, изображающей памятник в к. Александры Павловны, раб. Мартоса (виньетка).

По библиотеке, фотографическому архиву и архиву рукописей поступило в дар книги: от Ф. Ф. Нопгафта (все издания «Аквилон», Л. И. Жевержеева, Музейного Отдела, Комитета популяризации художественных изданий, Э. Голлербаха Библиотеки б. училища Шпиглица, Государствен. Эрмитажа, С. П. Яремича, Комиссии по охране памятников старинны Троицкой Лавры, Н. Н. Пунина, О. Г. Алексеевой, В. Ракинта, И. Э. Грабаря, П. И. Нерадовского, Издательства Врокгауз и Ефрон, А. Ефроса, Л. П. Гриценко — письма художников: 1) А. П. Боголюбова, 2) И. П. Похионова, 3) А. К. Бегрова, 4) В. В. Верещагина, 5) А. А. Рицци, 6) В. А. Беклемишева, 7) И. Прянишникова, 8) П. Пясецкого. От С. П. Яремича — Две фотографии: 1) с семьи иоанита сектанта Пономарева, Костромской губ. Дар. 2) с картины, писанной Пономаревым, От Московского Музейно-Экскурсионного Института — 3 фотографических снимка с деревянной резьбы из Вологодск. древлехранилища. От Пушкинского Дома — 18 светописных снимков с барельефов, изображающих события из царствования Екатерины II. Приобретены от Брюлловой-Шаскольской — письма и др. документы, касающиеся К. П. Брюллова. Кроме того в библиотеку поступил составленный И. А. Галенбеком инвентарный каталог предметов оловянного производства, хранящихся в Художественном Отделе Русского Музея.

IV

В исключительно трудных условиях вступил Этнографический Отдел в отчетный 1922 г. Годы войны и революции не прошли бесследно для жизни Отдела. Тяжелые для государства годы совпали с наиболее ответственным периодом деятельности молодого Музея, когда он должен был напряженно работать, чтобы сделать свои сокровища доступными для обозрения народу и для научного изучения специалистам. И как раз в этот самый момент, когда Музей из хранилища должен был превратиться в открытое для всех общественное и ученое

oo

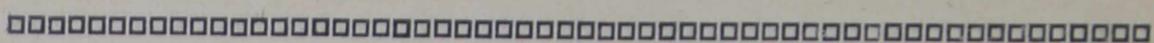
от влияния сырости и вредителей, были и другие причины, также неблагоприятствовавшие нормальной работе. К июню Отдел получил пятьдесят кубов дров, которые он вынужден был за отсутствием средств своими силами грузить в подвал. В течение двух недель весь мужской персонал Отдела грузил дрова, женский же обслуживал открытые для посетителей Отделения Музея. При малочисленности низших служащих, в дни открытия Музея для посетителей почти весь его научный и технический персонал обслуживал в отношении охраны выставочные залы. Для продуктивности работы необходимо было временно закрыть для посетителей Отдел, последнее же оказалось невозможным, так как с начала лета временно закрылся в целях полного переустройства выставочных зал, Отдел Художественный, и Этнографическому пришлось в течение всего лета принимать многочисленные экскурсии и отдельных посетителей. Для текущей работы по Отделу в течение всего лета оставалось $2\frac{1}{3}$ дня в неделю при работе $\frac{3}{5}$ его личного состава.

Если вторая треть года, почти в такой же степени была неблагоприятна для организационной работы Отдела как и первая, то она много дала для обеспечения успешной работы в последней трети.

Благодаря конференции Центральных Государственных Музеев, имевшей место в начале августа в Москве, в которой принимал участие и Этнографический Отдел, и особой заботливости Петроградского Отделения Акцентра, осенью была отремонтирована крыша здания Этнографического Отдела, отремонтирована система центрального отопления. Отдел был снабжен в достаточном количестве топливом.

В ноябре с открытием для посетителей Художественного Отдела, Этнографический Отдел закрыт и в нем приступлено к планомерной работе по лечению полученных в последние три года язв, к работам по переустройству выставки, по систематизации и приведению в порядок коллекций.

В отчетном году Совет Этнографического Отдела в составе Хранителей Д. А. Золопарева (I Отд.), Б. Г. Крыжановского, (II Отд.), А. А. Миллера (III Отд.) и С. И. Руденко (IV Отд. и Завед. Отделом), Помощников Хранителей А. К. Сержпутовского (II Отд.), А. А. Макаренко (IV Отд.) и А. И. Баранникова (секц. буддизма), членов Совета по избранию Академиков В. В. Бартольда, С. Ф. Ольденбурга и С. Ф. Платонова, Директора Музея и Ученого Секретаря, пополненный Ассистентами Н. П. Гринковой (I Отд.), А. И. Зарембским (II Отд.) и Ф. А.

В III Отделении главная работа велась по устройству выставки. Закончено устройство XXII зала (армяне, курды и айсоры). Значительные переустройства сделаны в грузинском зале: перемещены лазы; сваны и ингуши перенесены в большой кавказский зал. Подготовлены к выставке, набраны щиты и одеты манекены в грузинском зале, пересмотрены башкирские и киргизские коллекции, разработана схема выставки по этим народностям и набрано несколько щитов.

В IV Отделении, равно как и в секции буддизма, подобно II Отделению, открытому для обозрения, главное внимание было обращено на учет выставленных предметов и на приведение в порядок резервов. Закончен просмотр выставки Отделения и секции буддизма, зарисованы предметы во всех шкафах, щитах и витринах, сделаны соответствующие пометки о местонахождении предметов в списках. Проверен резерв IV Отделения и секции, составлены описи по шкафам и полкам, карточки по сундукам, произведена для большинства коллекций разметка в списках.

При ревизии резервов как в IV Отделении, так и в секции буддизма, обнаружены нерегистрированные коллекции, часть которых зарегистрирована и ко многим составлены охранные описи.

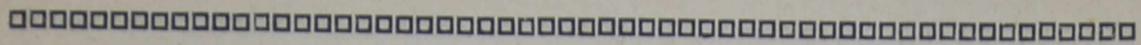
С момента закрытия выставки Отдела, в Отделении и в секции буддизма приступлено к переустройству выставки, причем заново составлено 7 щитов и 2 шкафа (коллекции вогулов и остяков).

Помимо вышеперечисленных работ в Отделениях производилось регистрационное описание коллекций, причем в общей сложности было зарегистрировано 28 коллекций, состоящих из 974 номеров, 1364 предметов (по I Отделению 599 предметов, по III Отделению—602 предм., по IV Отделению—149 предм., секция буддизма—14).

На 1 января 1913 года состояло 2397 кол., 127.032 предм.

Зарегистрировано в 1913 году	308 кол.	11.615 предм.
» » 1914 »	332 »	9.530 »
» » 1915 »	348 »	6.951 »
» » 1916 »	156 »	4.732 »
» » 1917 »	51 »	491 »
» » 1918 »	2 »	528 »
» » 1919 »	26 »	91 »
» » 1920 »	35 »	670 »
» » 1921 »	10 »	820 »
» » 1922 »	28 »	1.364 »

На 1 января 1923 года 3.693 кол., 163.824 предм.

Систематическое пополнение собраний Отдела Совет считал своею первоочередною задачею и еще в начале года был разработан план экспедиций и командировок, которые должны были заполнить наиболее существенные пробелы в музейных собраниях. Экспедиционной комиссией были приняты энергичные меры к обеспечению экспедиций обменным материалом.

В результате Отделом было получено до 50% необходимого для осуществления намеченных экспедиций и командировок обменного материала, но средств на операционные расходы получено не было. Поэтому Отдел вынужден был отказаться от ряда исследований, подготовленных уже на местах и с большим трудом налаженных. Отдел имел возможность принять участие прикомандированием своих сотрудников только к экспедиции Академии Истории Материальной Культуры в Верхнее Поволжье и осуществить ряд краткосрочных командировок, совершенных в большинстве случаев без запроса со стороны Русского Музея, на личные средства командированных лиц.

В командировках для научных исследований и сбора коллекций в отчетном году находились: Д. А. Золотарев, Н. П. Гринкова, Е. Э. Бломквист и З. П. Малиновская — в Тверской и Рыбинской губерниях; Л. Л. Капица — в Архангельской губ.; Б. Г. Крыжановский — в Смоленской губ.; А. А. Миллер дважды был в Старой Ладогге; А. П. Баранников — в Полтавской губ.; С. И. Руденко и А. Н. Глухов — в Челябинской губ.; З. П. Малиновская и Е. Э. Бломквист были командированы в Вологду — первая для ознакомления с музеями, вторая — для приобретения для Музея коллекций и Е. Э. Бломквист — в Москву для изучения этнографических собраний Исторического Музея. Поручения от Этнографического Отдела имели, кроме перечисленных лиц, А. Л. Колобаев и Р. П. Митусова в Тверской губ., Березовский и С. И. Орлов в Енисейской губ.

В результате командировок в Отдел уже поступили значительные собрания коллекций (особенно по I Отделению), частью же еще имеют поступить.

В общей сложности за отчетный период в Отдел поступило 3.109 предметов, из них 1.378 предметов было собрано во время командировок сотрудниками Отдела и 1.227 предметов приобщено к собраниям Отдела за истечением срока хранения. Особого упоминания заслуживает, приобретенная Отделом от А. И. Иванова и А. Л. Колобаева на средства предоставленные для этой цели Союзом работников искусств

(1.250 руб.), весьма ценная коллекция вышивок из Тверской и Рыбинской губерний.

ПОСТУПЛЕНИЯ:

		I Отделен.	II Отделен.	III Отделен.	IV Отделен.	Секция буддизма.	Итого.
1	Приобретено в Петрограде	66	13	11	18	—	108
2	Собрано командировками	1322	56	—	—	—	1378
3	Пожертвовано	52	170	24	2	2	250
4	Поступило из дворцов и разных учреждений.	78	—	44	2	22	146
5	Поступило за истечением срока хранения .	676	505	2	13	31	1227
	Итого . . .	2194	744	81	35	55	3109

Культурно-просветительная деятельность Отдела заключалась, главным образом, в лекциях и пояснительных чтениях, которые велись научным персоналом в открытых для обозрения Отделениях Музея. За десять месяцев, в течение которых был открыт Отдел, его посетило 62 экскурсии в количестве 2.317 человек и 8.109 отдельных посетителей. Кроме того, четырнадцать специалистов, ученых и художников, не служащих в Русском Музее, вели научную работу над хранящимся в Музее материалом; ряд ученых учреждений имел в Отделе свои заседания, для нескольких групп учащихся в высших учебных заведениях велись практические занятия.

По примеру прошлых лет Этнографический Отдел широко шел навстречу запросам провинциальных музеев, желающих ознакомиться с методикой и постановкой музейного дела в Этнографическом Отделе. В истекшем году в Отделе работали представители Тифлисского, Одесского, Пензенского, Вологодского и Ивано-Вознесенского музеев. Отдельные лица научного персонала Отдела консультировали также по различным музейным вопросам в Петроградских и провинциальных музеях; принимали участие в выставках: «Наш Край» и Кустарной.

На долю научно-вспомогательных и музейно-технических учреждений Отдела выпала большая и ответственная работа. Отделу удалось сохранить столь необходимые для нормальной жизни Музея вспомогательные учреждения с совершенно неза-

менимым высоко-опытным техническим персоналом, но хроническое отсутствие средств не позволило выполнить значительной части тех заданий, которые даже при самых скромных средствах могли быть легко выполнены мастерскими.

Фотографическая лаборатория начала работать только с мая, когда перешла из временного в свое постоянное помещение и, тем не менее, за год одним помощником фотографа было изготовлено 1520 отпечатков, 178 увеличений для выставки, проявлено было 392 пластинки, исполнено с отпечатков 44 негатива и квасцовано 94 негатива. Справившись с текущей работой, лаборатория не могла изготовить потребного количества увеличений за отсутствием бумаги и отсутствием средств на приобретение ее и реактивов.

Весьма большую работу весной и летом выполнила дезинфекционная камера, пропустившая многие тысячи предметов коллекций Отдела при 48 зарядках. Камера обслуживала Отдел в полной мере, благодаря только тому, что в ее распоряжении были еще старые запасы сероуглерода. К сожалению, камера, которая с успехом могла бы обслужить нужды всех музеев Петрограда, предоставила только 3 зарядки Мариинскому Дворцу и 2 — особняку Шувалова; Дворцу Искусств, особняку Бобринского, Инпендантскому Музею и многим другим Отдел принужден был отказать в дезинфекции их коллекций за неимением средств на приобретение инсекцидид.

В связи с обострившейся борьбой с вредителями, Отдел обратился за консультацией к проф. Г. Г. Якобсону, который произвел сборы и определение вредителей и оказал ценную услугу Отделу указанием на ряд мер борьбы с ними. Вместе с тем д-ром П. А. Пацановским и профессором Я. Д. Окуневским были поставлены в дезинфекционной камере многочисленные опыты действия сероуглерода на различные микроорганизмы, краски и ткани, опыты, которые должны иметь важное практическое значение в вопросах борьбы с вредителями. В настоящее время в лабораториях Военно-Медицинской Академии и Техническом Институте производится проверка этих опытов.

Если, благодаря сохранившимся запасам материалов, фотографическая мастерская и дезинфекционная камера с успехом могли обслуживать Отдел, то мастерская манекенно-реставрационная, лишенная каких бы то ни было материалов, была поставлена в крайне тяжелое положение. Вместе с тем помещение мастерской было не приспособлено для работы и не было средств для ремонта этого помещения. В результате мастер-

oo

ская приготовила за весь год пять манекенов и реставрировала около 20 предметов, т. е. произвела работу, которую в нормальных условиях выполнялась ею в 12—14 дней.

Неблагоприятна была обстановка для деятельности библиотеки Отдела. Несмотря на все усилия не представилось, за отсутствием средств, возможности на перенесение библиотеки из временно занимаемого ею помещения в здании Художественного Отдела в здание Этнографического Отдела. Почти вся работа персонала библиотеки протекала не в книгохранилище, а во временном помещении, что также не могло способствовать успеху работы. Приобретено книг было весьма мало, но наблюдался усиленный прирост книг, пожертвованных учреждениями и отдельными лицами. Значительно обогатилась библиотека поступившими в нее собраниями книг из библиотеки вел. кн. Георгия Михайловича и Измайловского полка. За отчетный год в библиотеку поступило всего 660 названий в 1093 томах, 310 томов дублетов и 451 лист карт. Помимо инвентаризации и каталогизации вновь поступивших книг, библиотекой продолжалось составление систематического каталога. В истекшем году удалось почти закончить составление карточек к книгам и брошюрам на русском и иностранных языках; эта огромная работа, была начата еще в прошлом году.

Сравнительно с предыдущими годами наблюдалось значительное увеличение числа посетителей библиотеки, причем к пользованию книгами снова были допущены лица, посторонние Музею, работающие в области этнографии. Возросли также требования на книги служащих Этнографического Отдела и других Отделов Музея, и в особенности много пользовались книгами сотрудники Отделения древне-русского искусства Художественного Отдела.

В архиве фотографий при библиотеке Этнографического Отдела продолжалось занесение фотографических коллекций в карточные указатели, делались пояснительные надписи на отпечатках, врезывались последние в альбомы фотографических коллекций, выдавались фотографические коллекции по требованиям Отдела и для просмотра и научных занятий работавшим в архиве. За отчетный период в архив из Этнографического Отдела и фотографической лаборатории поступило: 47 фотографических коллекций (809 негативов и 1675 отпечатков). Выдано было для работ в Отдел в общей сложности 770 негативов и 3806 отпечатков.

Осенью силами библиотеки архив фотографий из помещения Художественного Отдела был перенесен в отведенное для него

в праздничные дни приходилось нести дежурства по выставке, основываясь на обязанности саужителеей. С ноября, когда выяснилось, что Акцентр не в состоянии обеспечить музей надлежащей наружной охраной, в Отделе введены суточные дежурства научного и технического персонала, при чем при выполнении обязанностей аичного состава каждому лицу приходилось нести такие дежурства по три раза в месяц.

На долю небольшого, но опытного и прекрасно организованного технического персонала, под наблюдением старшего инструктора Я. П. Убриха, помимо обслуживания Отдела, вышло не мало работ непосредственно не связанных с его прямыми обязанностями. Низшие саужащие Отдела производили уборку снега, несли охранную по Музею саужбу, исполняли обязанности кочегаров и т. д.

Памятуя, что только при успехе дела всего Русского Музея, организационной частью которого является Этнографический Отдел, возможна плодотворная деятельность Отдела, весь его личный состав самоотверженно нес многочисленные обязанности по всему Музею. Достаточно отметить, что более $\frac{2}{3}$ всех общественно-административных должностей по Русскому Музею в отчетном году выполняла персонал Этнографического Отдела.

Трудно характеризовать научно и общественно деятельность персонала вне Музея. Несомненно только, что она была весьма значительной и поддерживала ту совершенно необходимую связь с общественными по заданиям Отделу учреждениями и организациями, которая так нужна для организации и плодотворной исследовательской работы. Большинство хранительского персонала вело преподавательскую деятельность в высших учебных заведениях, принимало активное участие в работах, состоящих при Российской Академии Наук, Комиссии по изучению палеонтологического состава населения России и экспедиционной, в Институте Яфетологических исследований, вело исследовательскую работу в Академии Истории Материальной Культуры.

Повоая этот деятельность Отдела за 1922 г., нельзя не признать, что сделано не мало, но гораздо меньше того, что надо было сделать и что сделано было вполне возможно, если бы Отдел, хотя в скромных размерах, снабжался средствами¹⁾.

1) Суммы полученные Этнографическим Отделом на научные и оперативно-хозяйственные расходы в 1922 году: 1) февраль — 10 руб., 2) март — 10 руб., 3) май — 90 руб., 4) июнь — 11 руб., 5) июль — 110 руб., 6) декабрь — 330 руб., всего 561 руб. Азнанак. 1923 года.

oo

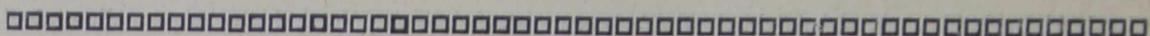
Ремонт здания далеко не закончен. Не отремонтированы стеклянные перекрытия крыши. Почти все стекла окон главного фасада трескались и вываливаются большие куски стекла. Требуют срочного ремонта вентиляционные трубы в подвальном этаже. Освещение и электрическая сигнализация в подвальном этаже, где хранятся резервы Музея, пришли в негодность. Испорчены вентиляционные моторы и вентиляция бездействует. В капитальном ремонте нуждается дезинфекционная камера.

В Отделе имеется значительное количество коллекций, ждущих своего регистрационного описания. Свыше 800 списков зарегистрированных уже коллекций, необходимо отпечатать. Сотни предметов надо реставрировать. Срочно нужно изготовить несколько десятков манекенов, без которых не может быть открыт Отдел. В такой же степени для выставки необходимо приготовить до 300 увеличенных фотографий. Устройство рундуков, подставок, крепление на стенах предметов совершенно неизбежно выполнить до открытия Отдела.

Нужды Отдела велики, но не чрезмерны. Располагая надежным научным персоналом и превосходно подготовленным техническим, Отдел имеет уже самое главное для выполнения стоящих перед ним неопложных задач, но всякая работа, помимо интеллектуальных и физических сил, требует еще и материальных средств.

Вступая в 1923 год надо определенно сказать, что если и в предстоящем году Отдел, вместо средств для своей работы, будет получать жалкие крохи, то вся его работа будет парализована, а многочисленным собраниям будет угрожать неминуемая гибель. Надо иметь в виду, что в истекшем году в Отделе были еще кое-какие остатки старых запасов и дезинфицирующих средств, и фотографических и монтажных материалов. Теперь они исчерпаны, и Отдел их должен получить, во что бы то ни стало.

Чрезвычайно мало сделано и для пополнения пробелов в музейных собраниях. Мы безвозвратно потеряли еще год. Отдел должен напрячь все силы, чтобы состоялись экспедиции, которые уже давно намечены. Жизнь не ждет, и кто знает, быть может, те экспедиции, которые сегодня могут еще дать Музею ценнейшие материалы, через два три года будут совершенно бесцельны.

V

В течение 1922 года в состав Совета Историко-бытового Отдела входили: Директор Музея Н. П. Сычев, Ученый Секретарь Музея Н. П. Черепнин, Заведующий Художественным Отделом П. И. Нерадовский, Заведующий Этнографическим Отделом С. И. Руденко, И. д. Заведующего Историко-бытовым Отделом М. В. Фармаковский, Хранители Историко-бытового Отдела П. П. Вейнер и Н. Е. Лансере, Директор Государственного Эрмитажа С. Н. Тройницкий, Заведующий Карпинной Галлереей Эрмитажа А. Н. Бенуа, Профессор Петроградского Университета М. Д. Приселков, Библиотекарь Историко-бытового Отдела П. Н. Шеффер и Ассистент Истор.-бытов. Отдела М. Л. Егорова. Обязанности Председателя Совета исполнял М. В. Фармаковский.

Заседаний Совета состоялось 10.

Крайне тяжелое финансовое положение Русского Музея налагало известную печать на всю собирательскую деятельность Историко-бытового Отдела. Так как очередной капитальной задачей Музея был ремонт крыши, системы отопления и приведение в должный порядок здания Художественного Отдела, то другие два Отдела конечно должны были сократить свою деятельность. Если Этнографический Отдел, обладающий большим и испытанным штатом, налаженными отношениями и связями на местах, мог осуществлять, хотя и в скромных размерах, свои планы, то Историко-бытовому Отделу это было неизмеримо труднее: абсолютное отсутствие материальных средств, крайний недостаток научного персонала, тяжкая болезнь Хранителя П. П. Вейнера, Ассистента М. Л. Егоровой и Научного сотрудника А. Я. Хрущовой, огромная работа по изъятию из Музея ценностей — все это создавало тягчайшую обстановку для собирательской работы. Во всяком случае пришлось почти совершенно отказаться от покупок, несмотря на многочисленные исключительно выгодные предложения.

Главным источником пополнения коллекций оставался Государственный Музейный Фонд. Однако обезличенные, вырванные из живой среды, хотя иногда прекрасные по своей характерности, вещи этого Фонда лишь в незначительной части могли отвечать заданиям Отдела, для которого сериальные подборки при богатстве накопленного уже мате-

oo

риала делаются все менее притягательными и центр внимания которого все более переносится на неразрушенную бытовую среду во всей ее полноте. Поэтому, если численно поступления из Музейного Фонда превышают другие, то по значению своему на первый план следует поставить материал, собранный сотрудниками на местах.

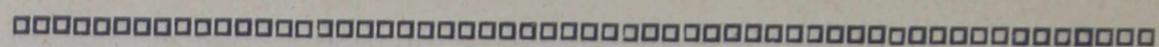
Отсутствие средств не позволило в отчетном году организовать предполагаемые поездки в провинцию. Поэтому для сборов были избраны окраины Петрограда и самый город. По предложению М. В. Фармаковского были намечены для детального обследования старинный купеческий дом Набилковых, из коего в Отделе уже имеется значительный бытовой материал, и дача Супугина в Екатерингофе, интересная по своей истории, с редкой характерностью отражающая в себе как в микрокосме, полную историю некоторых форм русского быта, от возникновения до исчезновения. Кроме того, вне намеченного на 1922 год плана, но весьма интересной была работа Н. Е. Лансере по обследованию усадьбы Жерновка, построенной в XVIII веке.

Временно были приняты для руководства правила по собиранию, составленные М. В. Фармаковским. Новостью, введенной в методику собирания М. В. Фармаковским, являлись развернутые планы квартир, позволяющие зафиксировать не только расстановку обстановки на полу, но и на стенах. Сопровождаемые указателями и фотопрографиями, эти планы дают полную картину обстановки, гораздо более имеющие значение документа, чем самое полное описание.

Обследование дачи Супугина дало большой материал в виде планов, фотопрографий, копий документов, записей в фамильной хронике и т. п.

К этой работе были привлечены все без исключения служащие Отдела, включая и библиотечный персонал, так как необходимо было всем сотрудникам усвоить себе как методы работы, так и характер ценного для Отдела материала; служащие Библиотеки равным образом должны были ознакомиться на деле с сферой собирательской деятельности Отдела, значением фотопрографического и графического материала и с теми требованиями, которые будут предъявлены к библиотеке в связи с этим собиранием.

Несмотря на полное отсутствие средств, благодаря лишь общему подъему духа служащих, удалось собрать в этом направлении, хотя и не обширный по размерам, но весьма ценный материал, как по быту мещан на окраинах Петрограда, так

и по истории рода Сутугиных; последнее дает ряд прекрасных бытовых картин, представляющих различные этапы процесса превращения одних форм в другие.

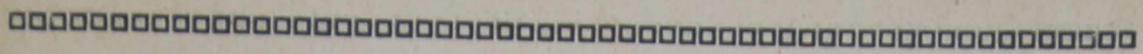
Подобным же образом были собраны сведения о купеческом особняке Набилковых. Научными сотрудниками Н. М. Шарой и Е. А. Райковой. Хранитель П. П. Вейнер дал описание типичной квартиры петроградского коллекционера Шпильмана.

Покупка ограничилась лишь приобретением любопытнейших портретов от И. А. Гальнбека и Батовой, весьма интересной акварели — свадебные костюмы у Уральских казаков (по определению А. А. Миллера), нескольких вышивок и еще разных мелких предметов, всего на общую сумму 32 р. 65 к. дензн. 1923 г. С марта до конца года покупок, за полным отсутствием средств на них, совершенно не было.

Что касается вещей, принятых в Отдел из Государственного Музейного Фонда, от Отдела Охраны и других хранилищ, то значительная часть этих вещей относится к придворному быту и вместе с прежде поступавшими коллекциями дает весьма интересные подробности жизни этого круга. Затем следуют вещи из домов богатых вельмож, менее — из старых небогатых дворянских гнезд, еще менее — из духовного и купеческого круга, поскольку вообще можно было определить происхождение этих вещей. Большой интерес представляет полная обстановка старообрядческой моленной.

Историко-бытовой Отдел считает долгом выразить благодарность, как учреждениям, содействовавшим пополнению его коллекций, так и следующим лицам, от которых были получены в дар предметы: семье П. П. Кобылинского, Ф. Н. Чингисхан, П. К. Коковцеву, А. М. Никитину, М. В. Фармаковскому, П. И. Нерадовскому, Н. А. Васильевой, И. А. Гальнбеку, Р. К. Брошниковскому, О. О. Витте, Ф. Ф. Герману, Д. Я. Дашкову.

Общее движение количества поступивших за 1922 год в Отдел предметов выражается в следующем: на 1 января 1922 года состояло: 21.599 предметов; в течение 1922 г. поступило: приобретено покупкой 11, получено в дар 67, принято на хранение 1721, доставлено из командировок 97, передано из других Отделов 4, поступило из Музея Старого Петербурга 2, итого 1902; изъято ценностей 1484, передано в другие Отделы Музея 56, передано для временного хранения и изучения в другие Музеи 12, всего 1546 предметов; итого общая цифра предметов в Отделе 21,955, в том числе несколько собраний документов. В доме бывшем Бобринского принято около 8.000 предметов музейного характера (работы по приемке еще продолжаются).

Таким образом общее число предметов в Отделе достигает приблизительно 30.000, кроме приблизительно 1.200 предметов, имеющих полуобиходный характер (в доме бывшем Бобринского).

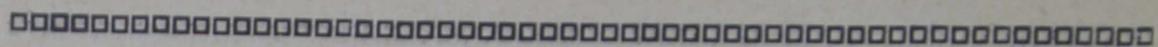
Хранение вещей представляло чрезвычайные трудности. Оставляя их в виде склада, в котором можно заблудиться и который, по заключению специальной пожарной комиссии, являлся исключительно благодарной пищей для огня, было совершенно невозможно. Необходимо также было расчистить место для вновь притекающих коллекций. Поэтому прежде всего решено было использовать подвальное помещение (3 комнаты); а так как в них могли оставаться без вреда лишь фарфоровые и, отчасти, стеклянные вещи, то и была предпринята работа по группировке коллекций фарфора в особой кладовой в подвале. К сожалению средств хватило только на оборудование одной комнаты, куда и было перемещено около 2.000 фарфоровых вещей.

Работа была направлена и на использование большого темного коридора одной из квартир. Там было установлено 20 шкафов для мелких бытовых предметов коллекции Плюшкина и позднейших приобретений, в общем было размещено до 2.000 предметов.

Были перегруппированы с той же целью почти все вещи поступившие из Государственного Музейного Фонда, Отдела Охраны и др. Была устроена специальная кладовая для хранения серебра и драгоценных вещей.

Но чем дальше шла работа, тем очевиднее делалось, что коллекции храниться таким образом не могут: прежде всего не хватало мебели, и ценнейшие предметы, часто весьма хрупкие, спавились на открытые столы и даже на пол, не предохраняемые ни от пыли, ни от случайных толчков, не касаясь уже вопроса охраны.

Если часть помещений была сравнительно сухой, то другие напротив были крайне сыры, и оказались весьма опасными для хранения предметов. Стали наблюдаться такие явления, возбуждающие большую тревогу: в одной из комнат, подвергнувшейся протечке, все серебряные вещи покрылись налетом; в другой свинцовое стекло (хрусталь) стало обнаруживать признаки растрескивания; в третьей хрусталь при очень низкой температуре дал змеевидную трещину без всякой видимой причины. Эти явления были столь необычны в музейной практике, что исследование их было передано в Институт Археологической Технологии.

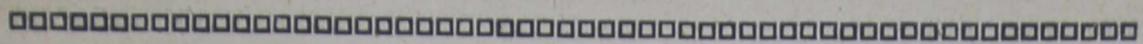

Для предохранения тканей от моли и последствий хранения в сырых помещениях, до 2.000 предметов в течение лета были пересушены на солнце, перечищены, пересыпаны нафталином, а ковры пропущены через дезинфекционную камеру Музея.

Говоря об условиях хранения, никак нельзя обойти такого, например, печального факта. По заключению пожарной комиссии сеть электрического освещения Историко-бытового Отдела, как пришедшая в ветхость, признана опасной в пожарном отношении. Было предложено исключить ее из общей сети электрического освещения, и Отдел остался без света. Чтобы осветить большой коридор, где сосредоточены все главные коллекции, необходимо было провести новый отрезок кабеля и поставить штепселя для переносной лампы. С мая месяца до конца декабря эта совершенно ничтожная работа за отсутствием средств сделана не была.

Хранимые в столь тягостных условиях коллекции оживают, когда их переносят в помещение, назначенное для экспозиции. Так как должных помещений для оборудования целых бытовых ансамблей Отдел не имел и так как самый материал в этом отношении еще не достаточно накоплен, чтобы дать целую серию ансамблей, логически подчиненных одной стройной идее, то предполагалось выставить лишь некоторые сериальные подборки, что должно было служить более средством к выяснению для самого Отдела характера и значения собранного материала, чем явиться окончательной формой экспонирования коллекций. Так была давно задумана и в значительной мере подготовлена выставка бытовых портретов, которые были разобраны и приведены в хронологическую систему, насколько это было возможно идентифицированы на основании существующих изданий и частных сведений. Для этой выставки предполагалось отвести 7 комнат в нижнем этаже, однако использование этого помещения Художественным Отделом не дало возможности осуществить столь желательную первую выставку бытового материала. Подчиняя свои желания общему заданию Музея о скорейшем открытии Художественного Отдела, Историко-бытовой Отдел решил не настаивать на выставке, хотя это и вело к еще большей тесноте резервных помещений, куда пришлось перенести уже подготовленный портретный материал.

Вместо выставок для публики решено было устроить для сотрудников небольшую выставку по методике собирания бытового материала в виде фотографий, планов, рисунков, акварелей и т. д.

Историко-бытовой Отдел полагал, что особое внимание должно быть сосредоточено на активном собирании коллекции. Поэтому, и в связи с недостаточным числом личного состава, подробная регистрация далеко не поспевала за ростом коллекций: сотрудники то и дело были отрываемы для отбора и приемки новых поступлений, для их нумерации, размещения, этикетажу, для поездок на места и т. д. Не могло наладиться и систематическое фотografiрование, так как ничтожные запасы фотопроductов необходимо было направлять на неотложные работы.

Указатель Отдела, хотя и не мог идти должным темпом, однако постепенно пополнялся и насчитывает уже более 30.000 карточек.

Гораздо отраднее обстояло дело с научными исследованиями отдельных работников Отдела, так как подобные работы в значительно большей степени зависят от индивидуального влечения к изучению русского быта, чем от внешних неблагоприятных условий. Конечно нельзя не учитывать, во первых, того обстоятельства, что значительная часть научного персонала только лишь приступила к работам в данной области, а с другой — что и здесь при печатании работ приходится сталкиваться с финансовыми затруднениями.

Вот почему ни в вопросе предоставления некоторой свободы в использовании коллекции Отдела для публикации, ни в вопросе способов печатания Отдел не спановился на эгоистическую точку зрения владельца.

М. Л. Егоровой сдано для напечатания Государственным Издательством две работы: «Описание Музея Государственного Фарфорового Завода» и «Марки б. Императорского ныне Государственного Фарфорового Завода», из коих последняя явилась плодом работы отчасти над материалом Историко-бытового Отдела и велась частью даже в служебное время. Публикация этой работы покажет, правильно ли велась в Отделе разработка всего вопроса о маркировании фарфора и в каком направлении необходимы будут дополнения к почти законченному М. Л. Егоровой огромному указателю марок. Этот указатель уже вторично весь переработан в виду вновь возникших требований и разросся до капитального исследования. Небольшой очерк М. Л. Егоровой «Русские Тобби и Жакелины» (Кружки в виде фигур) будет равным образом передан для напечатания на сторону, если окажется невозможным издать его на средства Музея.

Научным сотрудником Э. Ф. Голлербахом подготовлены к печати, главным образом по материалу Музея, весьма полезные

справочный указатель библиографии по масонству и небольшой очерк «Символика и ритуал масонства». Ему же было разрешено использовать некоторые фотографии с вещей Историко-бытового Отдела в очерке о русском художественном фарфоре.

Более крупные исследования велись Библиотекарем Отдела П. Н. Шеффером в области археологии и по вопросу о заговорах и заклинаниях в народном быту и их переживаниях в слоях более культурных. Последняя работа может иметь большой интерес для Отдела.

Исследование М. В. Фармаковского о начальной форме и условиях развития русской усадьбы разрабатывается в большой труд, требующий не одного года работы. В настоящее время обработана часть материала, почерпаемого из древне-русской литературы, законодательных актов, путешествий иностранцев, наиболее старых мемуаров. Кроме того проработана постановка вопроса о русском жилище в русской и иностранной этнографической литературе. А. А. Пигоревой для этого исследования собран материал из русских песен (в собраниях А. И. Соболевского, Шеина, Кирши Данилова); Н. М. Шарой — из русских народных картинок, изданных Ровинским; Н. Ф. Бруннером — из Уложения Алексея Михайловича.

Таким образом создается коллективный труд, во второй части которого (о формах русской усадьбы) центр тяжести будет перенесен на неисчислимые материалы, собранные в годы революции провинциальными музеями, библиотеками, Отделами Охраны памятников искусства и старины. Участниками работы во второй части намечаются Н. Е. Лансере, Е. А. Райкова и А. В. Минеева.

Кроме того М. В. Фармаковским передано Государственному Издательству исследование синтетического характера «Скульптура на Государственном Фарфоровом Заводе». Материалом послужили собрания Эрмитажа, Историко-бытового Отдела, Государственного Фарфорового Завода и др.

Им же переданы журналу «Среди коллекционеров» небольшое специальное исследование «Кружки в виде головы» по материалам Историко-бытового Отдела; цель последней публикации ознакомление русской читающей публики с коллекциями Историко-бытового Отдела.

Конечно, почти весь перечисленный материал был бы напечатан в изданиях Музея, если бы они осуществлялись. В распоряжении Историко-бытового Отдела остаются капитальные труды: М. Л. Егоровой «Указатель марок» и проф. Н. Д. Чечулина «Русский провинциальный быт во второй поло-

вине XVIII века». Последний труд — событие в науке истории русского быта. Он передан автором в виде рукописи для пользования сотрудниками Историко-бытового Отдела, которому предоставляется право напечатания на условии некоторого вознаграждения автора; труд рассчитан на 60 — 65 печатных листов и вполне готов к печатанию.

В течение года М. В. Фармаковским было прочитано несколько лекций для слушателей Экскурсионного Института по технике и классификации русской керамики. Лекции велись как на материале Историко-бытового Отдела, так отчасти и на коллекциях Института Археологической Технологии. Ряд причин, о которых отчасти говорилось ранее, не позволил осуществить предложенных лекций М. В. Фармаковского по истории русской усадьбы. Отделом было обращено большое внимание на подготовку молодых сотрудников. С этой целью Н. Д. Чечулин был приглашен прочитать для них несколько лекций по быту дворянства и купечества в XVIII в. Сотрудниками с той же целью была пересмотрена программа собрания коллекций, составленная М. В. Фармаковским. Равным образом и обязательное участие в работах в доме Супугина имело в виду усвоение методов собирания и обработки бытового материала.

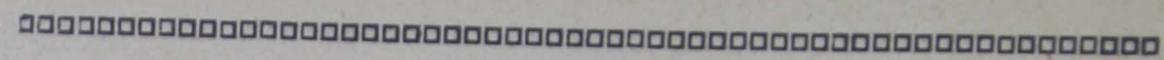
Вся история существования Историко-бытового Отдела связана с непрерывной борьбой за помещение, так как с самого начала он был поставлен в смысле помещения в совершенно неудовлетворительное положение. Наиболее простым решением вопроса было бы предоставление Отделу здания б. Школы народного искусства, здания, принадлежащего Музею, находящегося на его территории и занятого случайно в нем обосновавшимися, энigmatическими учреждениями. Однако ряд ходатайств об этом не увенчался успехом.

Неуспех этих ходатайств совпал с необходимостью освобождения для Художественного Отдела так называемого выставочного помещения в нижнем этаже.

Тогда начались предложения различных домов со стороны Отдела Музеев Академического Центра. Историко-бытовой Отдел остановился на особняке б. Бобринских на Галерной ул.

Член Совета А. Н. Бенуа удивительно тонко охарактеризовал значение этого особняка для Отдела: «Если бы нужно было для Историко-бытового Отдела построить новый дом, его следовало бы построить именно по образцу дома Бобринских».

Это в высшей степени правильно. Дом состоит из двух половин — большого и малого дома. Большой построен для семьи

Мяплевых архитектором Луиджи Руска до 1810 г. (опубликован в 1810 в собрании его трудов) и состоит из главного корпуса, находящегося между cour d'honneur и садом, и двух флигелей по сторонам двора. Это превосходный образчик барского особняка начала XIX века, сохранивший отчасти даже обстановку из времен своей постройки. Крылья дома содержат жилые комнаты слева и обширную залу справа, под которыми находятся огромные кухни, сараи и мелкие квартиры.

Малый дом примыкает к большому, с ним соединен внутренними переходами, но составлял в свое время самостоятельный особняк, вероятно не моложе, чем дом Руска, а может быть и старше, и имел все те же самые элементы, что и большой, но лишь в более скромных размерах. Это образчик скромного барского особняка. Он дважды (при Руска и в 60-х годах) был переделан, достроен и в таком виде сохранился до сих пор.

Усадьба пуста, но не мертва. Правда, она не живет прежней жизнью, так как людей в ней нет кроме сторожей, но живы вещи, живы стены. Имущество дома сохранилось не все: частью ликвидировано еще А. А. Бобринским, частью расхищено, частью перемещено, когда там находился госпиталь для раненых, наконец масса посторонних вещей внесена в последние годы, когда особняк служил районным складом Отдела Охраны. Надо сказать, что попытки устроить здесь музей увеличили перetasовку имущества и нарушили многое, что еще существовало в 1919 г.

По постановлению Совета по делам Музеев, дом передан вместе со всем имуществом, личным составом и кредитами, но последние так ничтожны (21 р. дензн. 1923 г. в декабре), что о них в сущности речи быть не может.

Из имущества подлежат передаче Академии Истории Материальной Культуры археологические коллекции А. А. Бобринского и то из его личной библиотеки, что явится не существенным для Историко-бытового Отдела и не связано органически с домом.

Работа по приемке имущества происходила в самых трудных условиях, за отсутствием отопления, почему необходимо выразить глубокое удовлетворение преданностью долгу, которую показали при этом сотрудники Отдела и его Библиотеки. Приемкой руководили М. В. Фармаковский, Н. Е. Лансере и П. Н. Шеффер.

В то же самое время коллекции Историко-бытового Отдела решено было подготовить к перевозке по санному пути

oo

и в первую очередь то, что легче всего бьется и требует наиболее тщательной упаковки, а именно фарфор и стекло. Укладкой руководил П. П. Вейнер.

Подробное обсуждение плана использования нового помещения происходило после осмотра его членами Совета и детального изучения Хранилищами Отдела.

Большой дом решено восстановить по возможности в его подлинном виде, исходя из того состояния, в котором он был при последнем владельце. Планы дома 1823 года с целым рядом пометок дадут возможность перейти потом к восстановлению его облика в первой четверти XIX века. Комнаты, которые при этом не поддадутся восстановлению, будут использованы по особому каждый раз суждению.

Комнаты малого дома, примыкающие к анфиладе большого дома и заключавшие библиотеку и кабинет, отойдут под Библиотеку Отдела, причем библиотека Бобринского остается *in situ*.

Малый дом предназначается для устройства выставок сериальных, по эпохам, по условиям, как это будет специально решено на основании материала. Все служебные помещения отойдут под резервы, кроме тех, кои будут использованы под рабочие кабинеты, канцелярию и т. п. служебные надобности.

То собрание книг, которое называется Библиотекой Историко-бытового Отдела, содержит несколько прекрасных изданий, кое какие справочные издания, кое какие общие сочинения по истории, но библиотекой по истории русского быта это собрание назвать нельзя. Надо много и много работать, чтобы случайно составившееся собрание приобрело определенный колорит, надо много лет и средств, чтобы пополнить собрание тем, что для занятий по истории быта необходимо или желательны; словом формирование Библиотеки лишь в самом начале.

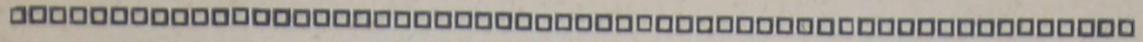
Это признание не должно вызывать ни удивления, ни сомнений, так как Библиотека образовалась из остатков заброшенных случайно в Русский Музей собраний старых гвардейских полков, библиотек частных лиц, не имевших никаких пенденций изучать историю быта, и лишь кое что более ценное попало из прекрасной библиотеки Гагариных.

Для Историко-бытового Отдела имеет поэтому особо важное значение переход к нему библиотеки Бобринских, которая начала формироваться вероятно еще в конце XVIII и не позднее начала XIX века и содержит ряд драгоценных для истории быта утраченных старых времен, значительное количество необходи-

мьих исследований и материалов по русской истории, и по самому своему существу представляет чудесный бытовой ансамбль, достойный специального изучения, как наслаение вкусов, руководимых родовой традицией, идущей из поколения в поколение. К сожалению, часть ее была передана в 1920 году Самарскому Университету, и цельность ее несколько нарушена.

Разработка этой библиотеки — задача следующего года, в настоящее же шла работа по приведению в порядок старого книжного собрания Отдела; занятия часто прерывались разными экстренными работами по Отделу, где совершенно не хватало рабочих рук. Так все служащие Библиотеки принимали участие в просушке и дезинфицировании коллекций костюмов и тканей, что необходимо было произвести летом в немногие солнечные дни; в сборе материалов на даче Супугина, по приемке имущества (главным образом библиотеки) в доме Бобринского, а в последнее время в проверке и укладке коллекций Отдела для перевозки их в новое помещение.

За отчетный период обычные работы в Библиотеке заключались в следующем: 1) В виду того, что представилась возможность включить в Библиотеку Отдела издания военного характера из библиотеки б. великого князя Георгия Михайловича, Библиотекарем после просмотра как эских изданий, так и печатных каталогов военных изданий был представлен Совету Отдела доклад о том, какие типы военных изданий надлежало бы ввести в Библиотеку и от каких следует отказаться, чтобы не перегружать ее излишним балластом. По утверждении этого доклада названные издания, перенесенные из Мраморного зала в библиотеку (за недостатком служителей при непосредственном участии научного персонала) были пересмотрены, и издания, далекие от задач Отдела, были выделены, а остальные поступили в каталогизацию. 2) В Библиотеку были при непосредственном участии научного персонала перевезены с Надеждинской ул. д. № 27 переданные Историко-бытовому Отделу архив, библиотека и издания б. Общества Ревнистелей Исторического Просвещения (более 4.000 томов). 3) С ноября начались работы, потребовавшие, в виду срочности, участия всего библиотечного состава, по приемке библиотеки б. Бобринского (около 20.000 томов) и переданных Отделу домов № 58 и 60 по Галерной улице. Работы эти заключались пока в предварительной разборке книг, лежавших грудями на полу и столах, размещении их на полки, в подсчете и участии в проверке по описи (рукописи и старопечатные

книги). 4) Продолжались работы по инвентаризации, шифровке и каталогизации.

Начаты работы по систематическому каталогу и написано для этого каталога около 1.000 карточек. 5) Разобраны и приведены в более удобный порядок поступления из Отдела. 6) Зарегистрирована коллекция фотографий, принадлежавшая редакции «Нового Времени» (591 экз.) Закончена предварительная разборка коллекции фотографических снимков б. великого князя Георгия Михайловича.

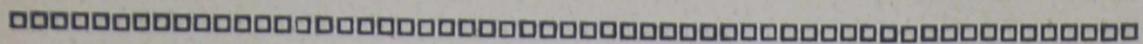
Регистрация фотографического материала очень затруднена тем, что значительная часть фотографий не имеет никаких пометок о том, кто или что изображено на них и преобладают весьма кропотливых справок. 7) Силами добровольных работников (Н. Ф. Бруннера и М. А. Кривцовой) производились выборки данных бытового характера из «Полного Собрания Законов» и «Русской Старины». 8) Библиотекарем собирались библиографические данные по вопросам быта.

Обслуживала Библиотека в 1922 году почти исключительно Историко-бытовой Отдел.

VI

Внешние условия, в которых протекала жизнь Русского Музея, не были легкими. Это стояло в связи прежде всего с размерами Музея, его зданий, усадьбы, количеством его собраний.

Здания Музея расположены на 3 участках, отдаленных один от другого: а) по Инженерной улице — помещения Художественного и Этнографического Отделов, с усадьбой — парком около 14 десятин; б) по Красной (б. Галерной) улице — помещение Историко-бытового Отдела, с усадьбой протяжением свыше 150 саженей по улице; в) по Надеждинской улице — помещение реставрационных мастерских. Только на территории главного участка имеются; водопроводная сеть протяжением 1.600 саж., подземные канализационные трубы — 759 саж., с 102 осадочными и смотровыми колодцами, 8 котлов центрального отопления, 1.500 нагревательных приборов, 16 моторов для вентиляции, вспомогательный мотор и паровые насосы при центральном отоплении, громадная сеть электрического освещения, телефонная сеть с 4 телефонными станциями и т. д. Системы водонесных труб пришли в ветхость, вследствие чего было несколько случаев их прорыва, угрожающих

обязательные, под угрозой штрафа и ареста, постановления милиции об уборке снега и мусора.

Как отражались финансовые затруднения на работе Музея можно судить, напр., по тому, что Музею в начале лета было необходимо всего 2¹/₂ миллиарда рублей для завершения работ по подготовке к открытию осенью всего Этнографического Отдела. Деньги получены не были и Этнографический Отдел открыть не удалось.

Кредиты на издательство, и притом в крайне небольшом размере, были впервые получены Музеем, в конце ноября, вследствие чего подготовленные к печати путеводители, каталоги и другие издания Музея остались не осуществленными.

Недостаток штата и денежных средств самым нежелательным образом отражался на охране Музея. Число наружных постов и лиц наружной охраны было совершенно недостаточно, причем, вследствие незначительности вознаграждения, с большим трудом удавалось лишь меньшую часть должностей по наружной охране замещать лицами в физическом отношении вполне соответственными. Недостаток их приходилось возмещать музейно-техническими рабочими. Отсутствие средств лишало возможности устройства сигнализации, надежных запоров, ограждений в наиболее угрожаемых местах. Вследствие этого значительно увеличилась тяжесть несения внутренней охраны, лежавшей на научном персонале и музейно-технических рабочих. Частые ночные дежурства, требовавшие напряженного внимания при постоянных в течение ночи обходах громадных помещений Музея, являлись крайне утомительными для служащих и отражались на их основной работе в Музее.

Положение с охраной стало особенно трудным, когда весной 1922 г. Петроградский Губисполком, сделав распоряжение об открытии для посетителей Михайловского парка при Русском Музее, одновременно, вопреки декрету Совнаркома от 16 сентября 1921 года, постановил о передаче непосредственно прилегающего к Музею парка из ведения Музея в ведение Садово-Паркового Управления Откомхоза. Заботы последнего о парке ограничивались тем, что утром приходил сторож открывать ворота парка, а ночью—их запирали, причем нередко ворота оставались открытыми на всю ночь—или, наоборот, запирались на замок без предварительного удаления всех посетителей из парка; оставшиеся искали среди ночи или под утро выходов через прилегающие к зданиям Музея дворы.

oo

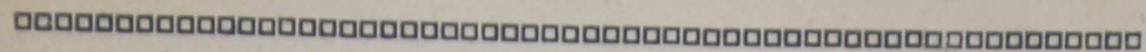
В связи с передачей парка в ведение Откомхоза на Музей легла забота об ограждении парка от вырубки деревьев и возведения в нем построек утилитарного характера. Это являлось тем более необходимым, что, как имелось в виду при издании указанного декрета, Михайловский парк «был разбит по художественным заданиям, гармонировавшим со стилем бывшего Михайловского дворца, по проэктору Росси, и, являясь чудеснейшим и ценнейшим образцом городского пейзажного парка, гениально просто решенного, представляет с самой постройкой законченное художественное целое».

Конец года был отмечен для Русского Музея тревожным настроением в связи с приездом из Москвы Комиссии по отбору из петроградских музеев художественных произведений для московских музеев.

С полным сочувствием относясь к идее пополнения, в соответствии с планом общегосударственного музейного строительства, московских музейных собраний произведениями русских художников, Русский Музей готов был содействовать в этом отношении московским музеям, путем предоставления необходимых для такого пополнения произведений. Но при этом Русский Музей считал необходимым соблюдение, как основного положения, принципа невозможности раздробления или частичного нарушения цельности, как собраний Русского Музея, явившихся результатом многолетней планомерной деятельности, так и стоящих в тесной связи с ними собраний художественных произведений в Петрограде и его окрестностях, чтобы не нанести ущерба общему плану строительства Русского Музея. Между тем, среди пожеланий московских представителей была передача в Москву таких основных для петербургского искусства вещей, как, напр., часть «Смолянок» Левицкого.

«Московские представители желают получить от нас наших «Смолянок» — писал в своей, заслушенной в заседании Комиссии записке Александр Н. Бенуа, — но, ведь, если есть на свете что-либо абсолютно петербургское, то именно эти петербургские барышни столь заморские с виду и столь русские по существу, столь изящные и так очаровательно провинциальные... Левицкий, наш петербургский Левицкий, создал в этих портретах не только забавную и красивую серию изображений, он именно схватил что то до жизни подлинное. Это наша галерея предков, предков Петербурга.

Мне всего было 10 лет, когда я познакомился в Петергофе с этим обществом пленительных девушек, выражающих

квинтэссенцию благовоспитанности в понимании своего времени и своего круга и в то же время столь лукаво шаловливых, столь простодушно отдающихся невинным уладам жизни. И с этого самого момента я ощутил в себе душевную с ними связь. «Смолянки» открыли мне новую жизнь прошлого и специфического прошлого нашего города. И в добавок «Смолянки» играли колоссальную роль во всей нашей деятельности, направленной на выявление и прославление этого прошлого. Они нас подвинули на выставки в Петербурге и в Париже, давшие такой мощный толчок историографии русского искусства, они же были нашими вдохновительницами при создании «Мира Искусства» — я говорю нашими, а не моими, ибо на «Смолянках» воспиталась вся наша «компания», начиная от увлекающегося Бакста и кончая вдумчивым Серовым».

Русский Музей не может не отметить с чувством особой признательности то содействие, какое он встречал со стороны ряда учреждений в деле осуществления своих научных и культурно-просветительных задач и преодоления тяжелых внешних условий.

В этом отношении имела большое значение созванная в Москве Главнаукой Конференция центральных музеев Москвы и Петрограда.

На Конференции ярко развернулась картина катастрофического состояния музейных зданий, являющихся во многих случаях памятниками мирового значения, отчаянного положения топливного дела, угрожающего гибелью не только зданиям, но и неценным сокровищам — научным и художественным коллекциям, и, за отсутствием средств, совершенно недостаточной охраны. В результате работ Конференции и принятых Народным Комиссариатом по Просвещению мер Советом Народных Комиссаров были в экстренном порядке опущены средства на ремонт, давшие возможность и в Русском Музее произвести наиболее неопложные ремонтные работы.

Неизменное, в возможных по условиям переживаемого времени пределах, содействие Русский Музей встречал со стороны Главнауки и Петроградского Управления Научными Учреждениями, а равно Отдела Музеев в Москве и Петрограде. Такое же отношение Музей встречал и со стороны Союза работников искусств.

Отрадно констатировать постепенно развивающееся за последнее время, и в частности в минувший год, сближение между многими научными учреждениями и Музеем, благопворно отражавшееся на работе Музея. Российская Академия Наук

продолжала содействовать Музею в охране его интересов, как научного учреждения. Институт Археологической Технологии, при участии деятелей Академии Истории Материальной Культуры, Института физико-химического анализа при Академии Наук и других учреждений, пришел на помощь Музею в деле совместного изыскания способов спасения коллекций и зданий Музея от последствий холода и сырости. По целому ряду вопросов у Русского Музея шла общая работа с Академией Наук, Государственным Эрмитажем и Академией Истории Материальной Культуры. Ряду учреждений Музей обязан возможностью осуществления, в условиях настоящего времени, научных экспедиций. Особенно деятельную помощь в этом отношении он встретил со стороны Управления Агрослужбы Северных железных дорог.

Наоборот, во многих случаях Русский Музей испытывал затруднения, которые легко могли бы быть устранены, если бы к Музею и его деятельности с большим вниманием и заботливостью относились местные Петроградские государственные учреждения. Такое отношение является тем более ненормальным, что Музей имеет большое значение в деле научной и культурно-просветительной работы, прежде всего среди Петроградского населения.

В большом и сложном организме, каким является Музей, необходима напряженная согласованная деятельность всех его работников — от музейно-технического рабочего до руководителей научно-музейной работой. Такой общей сплоченной работе, главным образом, и обязан Русский Музей теми результатами, каких, хотя и далеко не в той мере, как желал бы, он достиг в отчетном году.

Эта работа тем более является ценной, что положение личного состава в Русском Музее, как и во всех научных учреждениях, было чрезвычайно тяжелым. Совершенно недостаточные нормы вознаграждения, продолжавшие уменьшаться в связи с падением курса рубля и выплачиваемые с большим опозданием, работа нередко в сырых и холодных помещениях, необходимость даже для научного персонала выполнять в Музее тяжелую физическую работу, почти полная опорванность от научного общения с иностранными учеными учреждениями, постоянные угрозы сокращением штатов, — все это не могло не отражаться на моральном и физическом состоянии музейных работников. Только сила человеческого духа, сознание долга и напряжение воли смогли преодолеть все, что, казалось, неизбежно должно было разрушить музейную работу.

ОЛОВЯННАЯ ЧУМА

Оловянною чумою называется явление на оловянных изделиях, наблюдаемое часто в продолжение последних пятидесяти лет; оно состоит в том, что эти изделия на первый взгляд будто без особой причины покрываются на поверхности сначала серым налетом, на месте которого с течением времени развиваются больше пятна бородавкообразной формы. Отдельные бородавки впоследствии легко распадаются и превращаются в мелкий песчаный, кристаллический порошок. Одновременно разрушение переходит все больше в глубь предмета и распространяется в сторону.

Профессор Коген (Kohén) в Утрехте, специально изучив эти явления, доказал, что они получаются от свойственного олову аллотропического видоизменения. Аллотропией называется химик свойство элемента при известных условиях являться в нескольких формах различных между собою в химическом и физическом отношениях, т. е. превращать структуру. Нам известен углерод, являющийся иногда сажей, иногда графитом или алмазом, подобно тому как вода может являться в виде пара, льда и т. д.

Олово образует при такие аллотропические формы: белое олово, металл наших оловянных сосудов и посуды и серое олово. Белое видоизменение устойчиво при выше 18° , а серое устойчиво при низких температурах, т. е. температурах ниже чем $+18^{\circ}$.

Олово, подвергавшееся действию сильного мороза, вспучивается, некоторые его части распадаются в серый кристаллический порошок. Олово делается хрупким из ковкого, серым из белого и значительно уменьшает свой удельный вес с 7,2 до 5,8. Превращение структуры сопровождается разбуханием, увеличением объема.

При температуре ниже $+18^{\circ}$ белое олово склонно превращаться в серое. Оно, как говорят, тогда в метастабильном состоянии. В таком метастабильном состоянии находятся все наши оловянные изделия, так как в нашем климате и в наших

помещениях температура всегда ниже +18°, за исключением лишь немногих летних дней; они не разрушались, только благодаря медленности процесса превращения в серое видоизменение. Максимум скорости этого превращения получается только при -48°.

Эти превращения наблюдались и не только при морозе, но и при обыкновенных температурах; замечено, что оловянные вещи, сохранявшиеся вместе, не все претерпевали такое превращение, а только некоторые из них. Таким образом, надо признать, что для указанного превращения олова, кроме низкой температуры, должно быть удовлетворено еще какое-то условие.

На одно из таких условий уже можно указать: требуется толчок. Таким толчком является пыль серого олова, перенесенная на белое олово ветром или в помещениях музеев движением воздуха на расстояние или просто при прикосновении предмета одного состояния с предметом другого.

В истории оловянной чумы отмечены такие инфекции; особенно характерным случаем является порча крыши здания почтамта в г. Ропенбурге в южной Баварии.

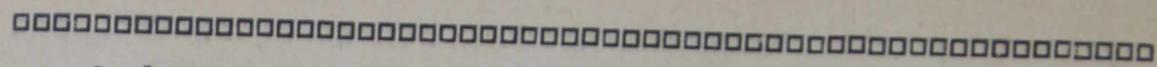
По близости этой крыши на башне ратуши были покрытия, которые оказались серого видоизменения. Ветром пылинки этого серого олова были перенесены на крышу здания почтамта, вновь покрывшую листовым оловом. Эта крыша вследствие превращения в серое видоизменение в самое короткое время совершенно разрушилась. При этом олово на крыше отличалось чистотой, оно содержало около 99% чистого олова и ничтожные части железа и кремния. В нем образовались как бы разъединенные места, дыры с зернистыми краями свинцово-серого цвета.

В серое вещество превратилось только литое олово, но капанное олово в тех же условиях не изменилось.

Другой случай исследован Шертелем (Schertel): оловянные изделия, сохранявшиеся столетиями в Фрейбургском соборе приняли серый свинцовый вид; удельный вес был 5,8,— значит серое видоизменение; по анализу оказалось, что они сделаны из почти чистого олова, содержащего лишь следы железа и кремния. По обливания кипящей водой оно побелело и получило удельный вес обыкновенного белого олова, т.-е. 7,3. Для этого превращения достаточно была температура в 59° Ц.

Из всего этого явствует:

1) Превращенное в серое видоизменение олово можно превратить обратно в белое видоизменение.

2) Для этого превращения достаточна температура в 59°C . (по Когену даже 40°C).

3) Олово почти всегда находится в состоянии не постоянного видоизменения.

4) Серое олово действует заразительно на белое олово; видоизменение происходит при обыкновенных температурах.

5) Процесс превращения длительный и может при известных условиях тянуться веками.

6) Процесс превращения у более старых изделий чаще является, чем у новых; а на очень старых предметах всегда будут явные следы образования серого олова — результат медленности процесса.

При редкости оловянных предметов большой древности в наших музеях последний тезис заслуживает особого внимания. Так в Русском Музее в С.-Петербурге более старая вещь — арпосная панагия (№ 36/721 музея) — относится только к середине XVI века; в Историческом Музее в Москве вся громадная коллекция олова относится к более позднему времени, за исключением лишь некоторых из вислых печатей, которые чаще свинцовые, чем оловянные. За то в музее Ученого Эстонского Общества («Gelehrte Estnische Gesellschaft») в Дерпте и в Городском Музее в Феллине находятся кружки и блюда монастырской работы XII, XIII и начала XIV столетий, с рельефными медальонами или розетками в середине дна кружек; все вещи первоклассного значения и редчайшие памятники давно исчезнувшей техники монастырской мастерской. Все они более или менее сильно пострадали, процесс превращения в серое видоизменение сильно подвинулся, есть предметы совершенно разрушенные. Пора принять неопложные меры к спасению того, что от них до наших дней дошло.

Те же меры необходимо принять, чтобы спасти целую коллекцию датированных блюд из казны цариц, дочерей и сестры царя Алексея Михайловича в Успенском девичьем монастыре в г. Александрове Владимирской губернии; эти блюда XVI века уже порядочно пострадали от оловянной чумы.

На медленность процесса превращения белого олова в серое видоизменение уже было указано; во время этого процесса можно отметить несколько стадий, наблюдаемых невооруженным глазом в виде явлений на поверхности оловянных изделий.

В первой стадии превращения на ровном серебристом тоне нового олова или тепловато-светлосерой патине старинного получают темные пятна; эти пятна в иных случаях захватывают всю поверхность предмета. Если же оловянные пред-

меты в течение продолжительного времени, т.-е. несколько лет, находились зарытыми в более или менее пропитанной влажной земле, доступной до известной степени морозу или во всяком случае низкой температуре, то на их поверхности получаются белые налеты. Предварительный анализ соскобленного ножом налета показал нерастворимость его в слабых кисло-

Рис. 1

тах; в налете ничего кроме олова, свинца и следов железа не было найдено.

Во второй стадии превращения на поверхности оловянных изделий получают мелкие прыщики или бородавки. Такими бородавковидными прыщиками покрыта чаша и яблоко на ножке потира Русского Музея № Г. 5.1282 по описи Р. М. ценного и редкого памятника оловянного производства XVII века. Они ясно

представляются невооруженному глазу (рис. 21); зародыши серого олова проявились в этих местах.

В третей стадии превращения или заболевания оловянной чумой только что упомянутые бородавки вспучиваются; внутренняя их часть осыпается; край несколько приподнимается. Если же предметы покрыты белым налетом, то в этой

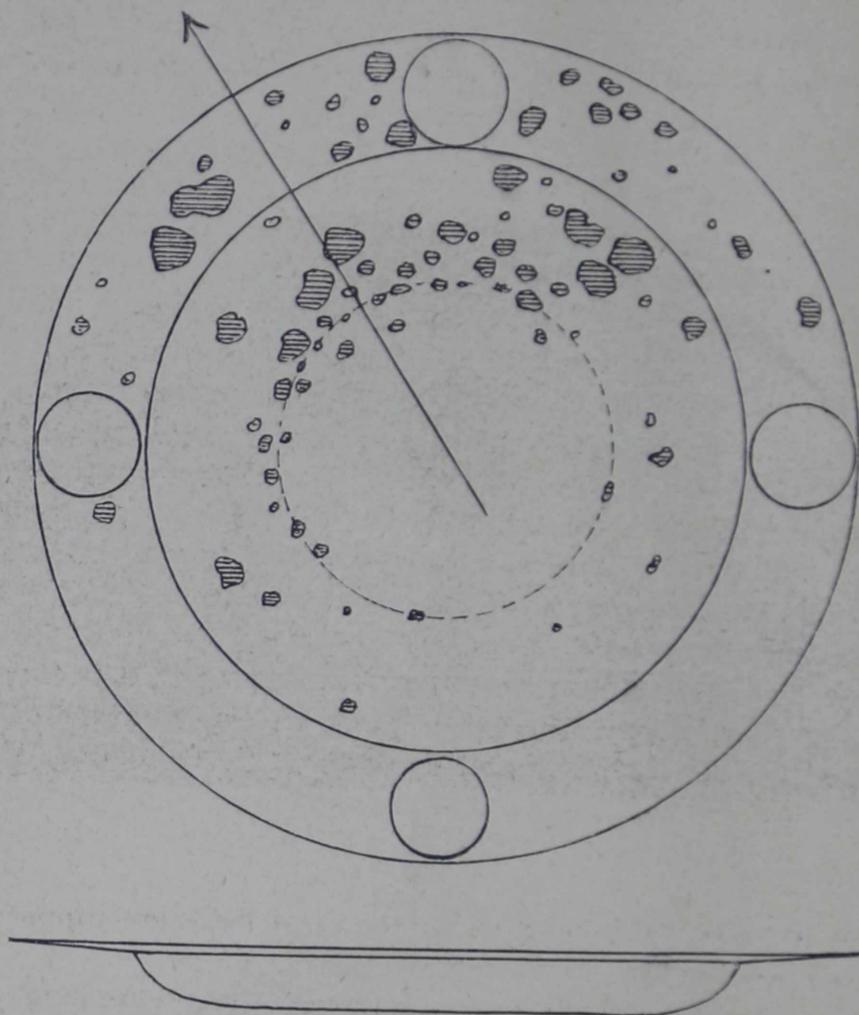

Рис. 2

третьей стадии микроскопическое обследование ясно обнаруживает весь процесс: внутренняя часть вспучивания представляет беловатую пленку, местами отошедшую от края; в этих местах рисуются черные блестящие кристаллы олова, а край рисуется желтоватым и несколько приподнятым. При дальнейшем развитии процесса пленки осыпаются, ямка выглядит черным пятном. Такое явление ясно наблюдается на блюде из

oo

ризицы Успенского девичья монастыря (опись Отдела охраны памятников старины и искусства № 5), см. рис. 2.

В четвертой стадии заболевания упомянутые ямки расширяются и одновременно углубляются; соседние ямки сливаются в более крупные углубленные пятна; иногда глазу представляется отделение целых пластинок; это последнее явление ясно видно на блюде XVIII столетия Русского Музея (№ Г. 75 по описи Р. М.), где направо от надписи некоторая часть поверхности уже разрушена и где, одновременно, направо от этих сплошных разрушений видны два больших отдельных круглова-

Рис. 3

тых пятна и около десятка мелких. У всех края приподняты и середина крошится.

Наконец, пятая стадия разрушения представляет собою прогрессивное развитие расширения и углубления пятен. На некоторых блюдах из царской казны дочерей царя Алексея Михайловича в упомянутой ризнице Успенского девичьего монастыря в г. Александрове Владимирской губернии это разрушение достигло полного развития: ямки глубокие, местами получились сквозные дыры (рис. № 4).

Для спасения оловянного имущества музеев от чумы предлагаются следующие меры:

- 1) Отделить из оловянных коллекций все захваченные процессом превращения в серое олово предметы и дать им отдель-

ноое от здоровых помещение; все эти вещи следует завернуть предварительно в бумагу.

2) Отделить также все подозрительные оловянные вещи и поступать с ними тем же способом.

3) Все на вид еще здоровые предметы, если последние 2 или 3 года они находились в низкой температуре, обливать продолжительное время кипящей водою при температуре $+60^{\circ}\text{C}$.

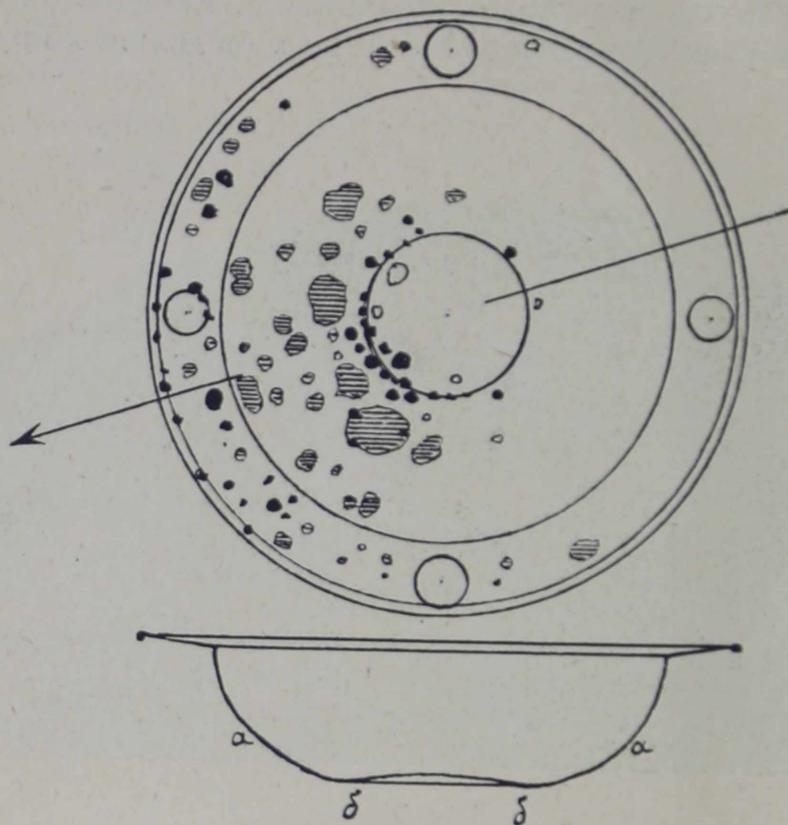

Рис. 4.

4) Все подозрительные оловянные предметы обливать кипящей водою при температуре $+60^{\circ}\text{C}$. и по возможности их кипятить.

5) Так же поступать с безусловно больными вещами, применяя продолжительное кипячение часами; при этом рекомендуется кипячение в деревянных чистых сосудах, опущенных в кубы.

6) Удельный вес олова прокипяченных предметов должен быть 7,3; если он имеется, можно считать процесс обратного превращения в белое изменение достигнутым.

7) При всяком нагревании олова необходимо остерегаться повышения температуры выше 170°C ., так как при более

высокой температуре олово переходит в 3-е (ромбическое) видоизменение и делается хрупким. Температура плавления олова 228° Ц.

Оловянная чума — опасная болезнь; она встречается обязательно везде, где имеются собрания старого олова, в собраниях частных лиц и музеев. Коген (Kohén) говорит, что она одна из настоящих музейных болезней.

Восстановить предметы невозможно; перешедшее в серое состояние олово можно превратить в белое видоизменение; олову возвращается некоторая связанность материала, но и только; предметы искалечены и потеряли свой вид, свою цену.

Но в первую очередь надо будет всем хранителям музеев озаботиться о переводе в кратчайший срок оловянных предметов в помещения, где температура выше или около +18° Ц., причем температура должна быть постоянной.

Ив. Гальнбек.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Емельяновъ (Е. Е.)... О диморфизмѣ олова. [Журналъ Русскаго Химическаго Общества. XXII. 1. С.-Пб, 1890. стр. 81.]
- Любавинъ (Н. Н.) Изомерія олова. (Техническая химія. IV. 2. Москва 1906. стр. 578—579).
- Марковниковъ (В.). Замѣтка о дезагрегациі олова. [Журналъ Русскаго Физико-химическаго Общества. XIII. Спб. 1881. стр. 358.]
- Энгельгардтъ (А.). Случаи кристаллизаціи олова.. [Журналъ Русскаго Химическаго О-ва, 1869. I. стр. 37].
- Энгельгардтъ (А.). О зернистомъ оловѣ. [Журн. Русск. Химич. О-ва. I. 1869. стр. 263—264].
- Aristoteles. Τὸν κασίτερον τὸν κελτικόν. περὶ θαυμαζίων ἀκουσμάτων. 50.
- Aristoteles. De mirabilibus auscultationibus. Cap. 51.
- Bauer (V). Kranke & gesunde metallische Stoffe.. Zinnkrankheit... [Technische Rundschau, 49, Berlin. 19... стр. 649—651].
- Brönsted (F. N.). Einige Untersuchungen über Zinnallotropie. Vortrag in «Kemisk Forening». 1911.
- Cohen (E.). Physikalisch-chemische Studien am Zinn. Erste Mittheilung. [Zeitschrift für physikalische Chemie... XXX. 1899. стр. 600—622].
- Cohen (E.), Physikalisch-chemische Studien am Zinn. Zweite Mittheilung. [Z. f. ph. Chemie. XXXIII. 1900. стр. 57-62].
- Cohen (E.), Physikalisch-chemische Studien am Zinn. Dritte Mittheilung. [Z. f. ph. Chemie. XXXV. 1900. стр. 588—597].
- Cohen (E.), Physikalisch-chemische Studien am Zinn. Vierte Mittheilung. [Z. f. ph. Chemie XXXVI. 1901. стр. 513—516].
- Cohen (E.), Physikalisch-chemische Studien am Zinn. Fünfte Mitt. [Z. f. ph. Chemie].
- Cohen (E.), Eine neue Art Umwandlungs Elemente. (Sechste Art.). Z. f. ph. Chemie XXX. 1899. стр. 623, 627.

- Cohen (E.), Physikalisch-chemische Untersuchungen über die ansteckenden Krankheiten der Metalle. [Elektrochemische Zeitschrift. 17. cmp. 181].
 Cohen (E.), Physikalisch-chemische Studien am Zinn. VIII. Die Forcierkrankheit. [Chemisch-technisches Repertorium. Beilage zur Chem. Zeitung. 34. cmp. 53].
 Cohen (E.), Anmerkung zu obiger [— bel. Die sogenannte Forcierkrankheit der Metalle: Zeitschrift für Elektrochemie. 19. 1913. cmp. 23. —] Mittheilung über die Forcierkrankheit.
 Cohen (E.), Die Zinnpest in den Niederlanden. [Chemisch Week-blad. 2. 1905. cmp. 450 — 452].
 Cohen (Ernst) & E. Goldschmidt. Die Enantiotropie des Zinns. [Chemisches Centralblatt. 75. 1904. cmp. 1643].
 Doermer (L.) Ueber die Zinnpest. [Naturwiss. Wochenschrift. 27. cmp. 379].
 Elbs (K.) & H Thümmel. Anodisches Verhalten von Zinn, Antimon & Wismut. [Zeitschrift für Elektrochemie. 10. cmp. 364 — 367].
 Foulton (H.) Ueber Krystallisirtes Zinn. [Verhandlungen d. K. K. Geologischen Reichsanstalt. 1881. cmp. 237 — 244].
 Foulton (Heinrich Baron von.) Ueber Krystallisirtes Zinn. [Jahrbuch der K. K. Geologische Reichsanstalt. Wien 1883. Band. XXXIV. cmp. 367 — 384].
 Fritzsche (F.) Ueber einen eigenthümlichen Molekularzustand des Zinnes. (Memoires de l'Academie Impériale des sciences de St. Petersburg. VII serie, tome № 5. St. Petersburg 1870).
 H. Zinnpest & Forcierkrankheit. [Prometheus, Wissenschaftliche Mittheilungen, Berlin. 44. cmp. 173].
 Hasslinger (R. von.). Neue Form de Zinnpest. (Chemiker-Zeitung. 1909. cmp. 1082).
 Hasslinger (R. von.). Ueber eine neue Form der Zinnpest. [Monatshefte für Chemie. 29. cmp. 787].
 Hjelt (Ed.) Notis om tennets grä modification. [Öfversigt af Finska Vetenskaps-Societefens Förhandlingar. 32. 1889 — 1890. Helsingfors. 1890. cmp. 107 — 111. с рисунком].
 Lewald (Paul). Das der Kälte ausgesetzt gewesene Zinn in St. Petersburg. [Dingler. Polytechnisches Journal. Band CXCVI. Augsburg 1890. cmp. 369].
 Miller. On the form of crystals of tin. [Phil. Mag. 22. 1843. cmp. 263 — 265].
 Mosso, (A.) (о болезни олова) [Analisi chimiche di metalli minoici degli scavi di Creta. Atti Acad. dei Lincei. 79. II. cmp. 225].
 O. L. Altes & neues von der Zinnpest & einer anderen Metallkrankheit. [Prometheus. 27. cmp. 809].
 Plutarchus. Symposiaca. VI. 8.
 Plutarchus, Plutarchi chaeronensis varia scripta quae moralia vulgo vocantur. Lipsiae, ex officina Car. Tauchnitii. 1820. Tomus IV. 339.
 Rammelsberg. Ueber die Dimorphie des Zinnes. [Berichte der Deutschen Chemischen Gesellschaft zu Berlin. III. cmp. 724—726].
 Rammelsberg. Ueber molekulare Erscheinungen am Zinn & Zink. [Monatshefte der k. preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin aus dem Jahre 1880. Berlin 1881. cmp. 225—230].
 Schaum (K.) Die physikalische Isomerie am Zinn. [Chemisches Centralblatt. 70. 1899. II. cmp. 579—580].
 Schertel (Arnulf.) Einige Beobachtungen über die graue Modification des Zinnes. (Journal für practische Chemie. Neue Folge. B. 79. 1879. cmp. 322—326).
 Stolba. Beobachtungen über die Krystallisation einiger Metalle. [Journal für praktische Chemie. 96. 1865. cmp. 178—184].
 Stolba. Schöne Zinncrystale. [Bericht der K. böhmischen Gesellschaft der Wissenschaften. 1875. cmp. 335—384].

1-50

1970 II.

150